

0 7 2 3 4 1 9 - 1

На правах рукописи

Идельбаев Мирас Хамзович

**ИЗУСТНАЯ ЛИТЕРАТУРА
В СИСТЕМЕ БАШКИРСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ**

Специальность 10.01.02. - Литература народов РФ
(башкирская литература)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Уфа - 2001

Работа выполнена на кафедре башкирской литературы и фольклора Башкирского государственного университета

Научный консультант - доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН Республики Башкортостан Р.Н.Баимов

Официальные оппоненты:

1. Доктор филологических наук, профессор, академик АН РБ Хусаинов Г.Б.
2. Доктор филологических наук, профессор Бикбаев Р.Т.
3. Доктор филологических наук, профессор Амиров Р.К.

Ведущая организация — Казанский государственный университет

Защита состоится "27" сентября 2001 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д-212.013.06 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Башкирском государственном университете по адресу: 450074, г.Уфа, ул.Фрунзе, 32, главный корпус.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Башкирского государственного университета

Автореферат разослан " " августа 2001 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000787051

Ученый секретарь диссертационного совета, доктор филологических наук, профессор

Федоров А.А.

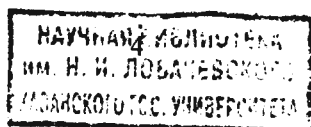
Актуальность исследования. Словосочетание "изустная литература" в башкирском литературоведении как научный термин стало применяться с 70-х годов XX в.¹ В некоторых других тюркоязычных - в казахской, азербайджанской, а также в среднеазиатских и др. литературах - этот термин вошел в научный обиход несколько раньше, в первой половине названного столетия. О присутствии в китайской, индийской, персидской, арабской, западноевропейских, скандинавских литературах в определенных исторических этапах изустного авторского творчества отмечалось еще в исследованиях XIX в. Изустная литература как словесное искусство индивидуального характера сочинялась и распространялась изустным путем и выражала личное мировоззрение конкретного автора, его этическую оценку действительности. Изустность приближает ее к фольклору, а индивидуальность - к письменной литературе. Но "это уже не фольклор, но еще не "письменная" литература со всеми вытекающими отсюда особенностями. Это первая историческая форма художественной литературы, которую найдем у всех народов"². Продолжительность бытования изустной литературы, ее удельный вес в словесном искусстве того или иного народа зависит от ряда факторов, в первую очередь - от социально-исторических условий, общественно-политического положения, географических особенностей, наличия своей аудитории и ее требований. В большинстве тюркоязычных литератур имелись благоприятные условия для ее многовекового расцвета. Башкирская изустная литература, в частности, располагала 600-летней историей: с XIV века, с творчества Хабрау, начинается эпоха йырау и сэсэнов с

¹ Хусаинов Г.Б. Проблемы изучения истории башкирской литературы // Из истории башкирской литературы. - Уфа: Изд. БФ АН СССР, 1975. - С.8-25 (на башк. яз.); Хусаинов Г.Б. Место и роль творчества сэсэнов в истории башкирской литературы // Там же. - С.26-42 (на башк. яз.).

² Гаджиев А.А. Реализм в литературах советского Востока. - Баку. Элм, 1978. - С.34-35.

известными авторскими именами. Однако в литературоведении советских лет эта грандиозная эпоха и глобальная часть художественного достояния народа по ряду известных причин осталась незамеченной, и им приходилось дожидаться своего часа, когда научно-теоретическое изучение истории словесного искусства достигнет уровня объективного исследования всех видов духовного наследия. Увидевшие свет в разное время несколько известных изданий очерков по истории башкирской литературы охватывали лишь советский период¹. С 70-х годов XX в. башкирские литературоведы работали над созданием многотомной истории литературы (она вышла в 90-х годах в 6-ти т.), часть которой впервые была посвящена дореволюционной словесности. Именно с тех пор башкирская литературоведческая наука начала меняться качественно, стал наблюдаться переход к более глубокому теоретическому и системному изучению истории литературного развития, начиная с ее истоков. Появились новые, еще совершенно неизученные направления литературоведческого поиска, о наличии которых в советские годы и не подозревали, поскольку тогда насильно внедрялось мнение, что малочисленные народы, в том числе и башкиры, до Октябрьской революции не имели ни письменности, ни литературы. Одно из этих направлений — изучение роли и места устной литературы в башкирском словесном искусстве, исследованию которой посвящена настоящая диссертация. Долгое время подавляющая часть импровизаций йырау и сэзнов непосредственно причислялась к фольклору, часть — к письменным памятникам, а о наличии некоторой части либо умышленно умалчивали, либо вовсе не знали даже в среде литературоведов и фольклористов. Восстановление авторства ряда выдающихся мастеров художественного слова прошлого, научная

¹ Башкирская советская литература /под ред. К.Мергена и А.Харисова. - Уфа: Башк.кн.изд., 1955. -272 с. (на башк.яз.); История башкирской советской литературы. В 2-х т. Т.1. -Уфа: Башк.кн.изд., 1963. -504 с.; Т.2. - Уфа: Башк.кн.изд., 1966. -422 с.; История башкирской советской литературы: Очерки. -Уфа.: Башк.кн.изд., 1967. -711 с. (на башк.яз.); История башкирской советской литературы. -М.: Наука, 1977. -527 с.

оценка их творчества необходимы не только для воссоздания наиболее полной картины развития истории словесного искусства в тесной взаимосвязи его "подразделений" - фольклора, изустной и письменной литературы, но и в первую очередь - для возврата в научный и культурный обиход ранее утерянных духовных ценностей.

Между тем о йырау и сэсэнах, как об импровизаторах и общественно-политических фигурах, написано немало. О них восторженно высказывались в своих дневниках ученые-путешественники Санкт-Петербургской академии наук П.С.Паллас, И.И.Лепехин (XVIII в.), русские писатели и краеведы XIX в. П.М.Кудряшев, Ф.Д.Нефедов, Д.Н.Мамин-Сибиряк, Р.Г.Игнатьев, С.Т.Рыбаков, П.И.Добротворский, М.В.Лоссиевский (XIX в.), башкирские, казахские, татарские писатели и ученые Габдрахим Усман (XVIII в.), Ш.Марджани, М.Уметбаев, Ч.Валиханов, А.Диваев (XIX в.), З.Валиди, Г.Таган, А.Инан (начало XX в.). В 20-х годах XX в. первые предположения о существовании авторской изустной поэзии высказывали С.Мирас, Х.Габитов, Г.Вильданов. В годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время заниматься изучением дореволюционной литературы в башкирском литературоведении не было возможности. И лишь в 80-х годах в исследуемой нами области первое научное слово высказал академик Г.Б.Хусаинов, затем - его ученики Г.С.Кунафин, А.Х.Вильданов, З.Я.Шарипова, М.Надергулов, Р.З.Шакуров, Б.Баимов и др. Но ими были заложены только основы будущих комплексных исследований, которые находили отражение в трудах, посвященных другим проблемам дореволюционной башкирской литературы. До сих пор нет специальных работ, по которым можно было бы судить об особенностях, эволюции бытования, о роли и месте изустной литературы в системе башкирского художественного слова. Именно поэтому в настоящее время ощущается острая необходимость восстановления объективной картины истории развития башкирского художественного слова во всех его проявлениях, с целью довести степень изученности изустной литературы до уровня литературоведения и фольклористики. Данная диссертация является первой попыткой

монографического исследования творчества йырау и сэсэнов в контексте тюркской и мировой изустной литературы.

Основная цель работы - изучить башкирскую изустную литературу с ее истоков вплоть до XX столетия, определить закономерности ее развития во взаимосвязи с фольклором и письменной литературой. Для этого ставятся следующие задачи:

- раскрыть сущность понятия "изустная литература" относительно башкирской словесности;

- исследовать особенности развития башкирской изустной литературы в различных исторических этапах и социальных условиях;

- определить место и значение основных жанров изустной литературы и их природу в системе башкирского художественного слова;

- определить общие признаки и различительные особенности изустной литературы, с одной стороны, и фольклора и письменной литературы - с другой; проследить их взаимосвязь и взаимовлияние;

- выявить особенности башкирской изустной литературы в контексте аналогичных форм изустного художественного слова тюркоязычных народов;

- проанализировать дошедшее до наших дней творческое наследие йырау и сэсэнов;

- осмыслить роль йырау и сэсэнов в общественно-политической жизни страны, в истории развития словесного искусства;

- определить древнее, средневековое и более позднее состояние башкирской изустной литературы, ее место в системе башкирского словесного искусства.

- изучить основные поэтические особенности, свойственные башкирской изустной литературе;

Материалом исследования предлагаемой диссертации послужили дошедшие до наших дней образцы древних обрядовых поэтических текстов, имеющие следы авторского творчества, т.е. так называемая поэзия баксы; сохранившиеся в народной памяти и находившиеся в архивных хранилищах рукописные или

опубликованные импровизации йырау Хабрау, Асана Кайгы, Казтугана, Шалгииза, сэсэнов Еренсе, Кубагуша, Акмурзы, Караса, Баика, Махмута, Салавата Юлаева, Буранбая Котдосова, Ишмухамета Мурзакаева, Габита Аргынбаева, Фарраха Давлетшина, Сайта Исмагилова, Мухаметши Бурангулова. В поле зрения исследователя находились также увидевшие свет в различных изданиях публикации представителей изустной литературы казахского, узбекского туркменского, киргизского, алтайского, каракалпакского, азербайджанского и других тюркоязычных народов, образцы мировой изустной поэзии различных исторических времен и регионов, а также тексты фольклорных и письменных памятников, созвучные с изустными произведениями.

Научно-теоретической и методологической основой диссертации послужили историко-сопоставительный и системный подход к истории изустной башкирской литературы, а также методологические и литературоведческие принципы, теоретические положения, выводы и обобщения, содержащиеся в трудах русских литературоведов¹, исследователей тюркоязычных

¹ Белинский В.Г. <Статьи о народной поэзии> // Полное собрание сочинений в 13-и т. Т.V. - М.: Изд. АН СССР, 1954. - С. 289-450; Веселовский А.Н. Историческая поэтика / Вступ. ст. И.Н. Горского, сост., комментарии В.В. Мочаловой. - М.: Высш. школа, 1989. - 406 с.; Бартольд В.В. Сочинения. Т.5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. - М.: Наука, 1968. - 757 с.; Бертельс Е.Э. Литература народов Средней Азии (от древнейших времен до XV в. н.э.) // Новый мир. - 1939. - № 6. - С. 210-238; № 7. - С. 246-265; № 9. - С. 264-281; Стеблин-Каменский М.И. Фольклор и литература // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 31. Вып. 3. - 1972. - С. 248-255; Мелетинский Е.М. Возникновение и ранние формы словесного искусства // История всемирной литературы. В 9-и т. Т.1. - М.: Наука, 1983. - С. 23-52; Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. - Л.: Наука, 1974. - 728 с.; Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. - М.: Советский писатель, 1972. - 406 с.; Хализев В.Г. Теория литературы. - М.: Высш. школа, 2000. - 398 с.

литератур¹ и башкирских филологов², на которые опирался диссертант.

Научная новизна работы, сводится к следующему:

- в башкирском литературоведении история возникновения и функционирования данного вида словесного искусства как объект научного изучения ставится впервые;

¹ Валиханов Ч. Избранные произведения / Вступ. статья А.Х.Маргулана. - М.: Наука, 1986. - 414 с.; Марджани Ш. Источники по истории Казани и Булгара. - Казань: Тат. кн. изд., 1989. - 415 с. (на тат. яз.); Ауэзов М. Мысли разных лет. - Алма-Ата: Каз. гос. изд. худ. лит., 1959. - 556 с.; Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. - М.: Наука, 1976. - 214 с.; Исмаилов Е.В. В поисках нового. - Алма-Ата: Жазусы, 1967. - 240 с.; Габдуллин М. Изустная литература казахского народа. - Алма-Ата: Мектеп, 1974. - 320 с. (на казах. яз.); Гаджиев А. Реализм в литературах советского Востока. - Баку: Элм, 1978. - 378 с.; Максетов К. Фольклор и литература. - Нукус: Каракалпакстан, 1975. - 200 с. (на каракалп. яз.); Тагиржанов Г. Из истории - к литературе. - Казань: Тат. кн. изд., 1979. - 168 с. (на тат. яз.); Турсунов Е. Представители создателей казахской изустной литературы. - Алма-Ата: Гылым, 1976. - 200 с. (на казах. яз.).

² Амантай Г. Принципы определения национальной литературы // Октябрь. - 1934. - № 4. - С. 1-7 (на башк. яз.); Бурангулов М. Завещание сэсэна. - Уфа: Китап, 1995. - 352 с. (на башк. яз.); Мирасов С. Рождение и развитие башкирской литературы. Изустная и письменная литература // Башкорт аймагы. - 1928. - № 5. - С. 152-160 (на башк. яз.); Вильданов Г. Письменная и печатная литература башкир // Башкорт аймагы. - 1926. - №2. - С. 25-26 (на башк. яз.); Киреев А.Н. - Об исторических типах народных сказителей Башкирии// Фольклор народов РСФСР. Вып.1. - Уфа: Изд. БГУ, 1974. - С. 36-44; Хусайнов Г.Б. Время. Литература. Писатель. - Уфа: Башк. кн. изд., 1974. - 432 с. (на башк. яз.); Харисов А. Литературное наследие башкирского народа. - Уфа: Башк. кн. изд., 1965. - 416 с. (на башк. яз.); Баймов Р.Н. Восточная литература: Материалы по истории индийской, иранской, арабской литератур с древнейших времен до XVIII в. - Уфа: Изд. БГУ, 1999. - 166 с.; Кунафин Г.С. Башкирская литературная песенная поэзия XIX - начала XX веков: Проблемы формирования и развития жанровой системы. - Уфа: Изд. БГУ, 1997. - 155 с.; Шарипова З.Я. Пером и словом. Литературоведение. - Уфа: Китап, 1993. - 208 с.

- исследуемый башкиро-тюркоязычный материал освещается на обширном фоне аналогичных восточных и европейских историко-литературных явлений с привлечением и осмыслением значительного количества источников, а также вводом в научный оборот еще не использованных в башкирском литературоведении литературно-художественных текстов, научно-критических работ;

- проводится четкое ограничение особенностей изустной литературы от фольклора и письменной литературы с одновременным выявлением их точек соприкосновения в историческом развитии;

- обозначаются этапы бытования башкирской импровизаторской поэзии начиная с древности вплоть до XX в., прослеживается изменение характера творческой деятельности изустных авторов в различных социально-исторических условиях;

- впервые в башкирском литературоведении выявляются основные жанры и жанровые образования изустной литературы, раскрываются их главные отличительные особенности от жанров других видов словесного искусства;

- подвергается всестороннему анализу доселе малоизученное творчество йырау и сәсэнов XIV-XX вв., в ходе которого определяется их индивидуальное профессиональное поэтическое лицо.

Практическая значимость диссертации. Основные ее положения могут быть использованы при изучении башкирской литературы и фольклора, теории литературы в вузах, средних и средних специальных учебных заведениях, в создании учебников, учебных пособий, методических разработок, что в настоящее время осуществляется автором на практике. В настоящее время материалы данного исследования используются в лекционных курсах "Башкирская литература средних веков", "Введение в литературоведение", спецкурсе "Башкирская литература XVIII в.: вопросы жанра и стиля", по которым разработаны и изданы программы, учебные пособия для вузов. Ряд положений диссертантом внесены в школьные программы и учебники, созданные под руководством автора настоящей работы. После

опубликования монографий "Изустная литература в зеркале истории" (1999) и "Башкирская изустная литература" (2000) на факультете башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета разработан лекционный курс "Башкирская изустная литература", который включен в учебную программу. В целом введенный в научный оборот фактический материал и научные выводы диссертации позволяют взглянуть на историю развития башкирской словесности с позиции современной науки, убедиться в богатстве и разнообразии духовного наследия башкирского народа, во многом типологически соответствующего общечеловеческому уровню развития словесного искусства.

Апробация работы. Рукопись диссертации обсуждена на заседании кафедры башкирской литературы и фольклора Башкирского государственного университета. Основные ее положения и выводы изложены в двух монографиях, в ряде учебников, учебных пособий и программ для вузов и школ и в большом количестве статей по теме диссертации; отражены на научных докладах, прочитанных в разные годы на международных, всероссийских, региональных, республиканских научных и научно-практических конференциях, семинарах-совещаниях учителей-филологов, писательских форумах республики Башкортостан.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Основное содержание диссертации

Во введении ставится проблема исследуемой работы, обосновывается ее актуальность, проводится анализ имеющейся по теме диссертации литературы, определяется состояние ее научной разработанности, указываются научно-теоретическая основа, научная новизна, цели и задачи, практическая значимость, апробация и структура работы.

Первая глава диссертации "Исторические эпохи и изустная литература" состоит из четырех разделов и исследует общие закономерности становления и функционирования изустной

литературы, затрагивает вопросы авторства и творческой индивидуальности; прослеживает историю развития авторской изустной поэзии тюркских народов и Башкортостана.

В первом разделе выясняется значение термина "изустная литература", ведется речь об истоках импровизаторского искусства и признаках авторства в первых образцах раннего этапа данного вида словесности. В башкирской филологии понятие "изустная литература" употребляется в двух значениях: реже - как словесный фольклор (Г.Амантай, А.Харисов), чаще - как продукт конкретного авторского импровизаторского профессионального творчества (Г.Хусаинов, Г.Кунафин, З.Шарипова, А.Вильданов и др.). В нашей работе оно применяется только во втором значении. Именно в таком значении впервые данный термин ввел в научный оборот академик Н.Я.Март в 30-х годах XX в., отмечая при этом, что изустная литература требует "тех же исследовательских приемов, что и писаная литература"¹. Однако в отечественной филологии этот термин получил неравномерное распространение. В литературоведческих словарях и энциклопедиях слово "изустная литература" отсутствует. Исследователи, пишущие о данном явлении в мировом словесном искусстве, обходятся без него, чаще употребляя слово "устное" - "устная литература", "устная поэзия" (А.Н.Веселовский, Е.М. Мелетинский, М.И.Стеблин-Каменский, И.С.Лисевич, Н.А.Гринцер, И.М.Фильшгинский и др.). В тюркоязычных литературах, где удельный вес профессиональной изуственности в течение столетий был весьма заметным, укрепились термины "ауыз-тел әдәбиәте" (башкирская), "ауыз әдебиәти", "ауызша әдебиет" (казахская), "ауыз еки әдебият" (каракалпакская) и др. (все - в значении "изустная литература"). Но и понятие авторская "изустная литература" содержит несколько оттенков значения: а) самые первоначальные авторские тексты фольклора, так как "разумеется, всякое отдельное народное

¹ Март Н.Я. Академик С.Ф.Ольденбург и проблемы культурного наследия // Сергею Федоровичу Ольденбургу: К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1881-1931: Сборник статей. -Л.: Изд. АН СССР, 1934. -С.11.

произведение было обязано своим началом одному лицу, которое, с горя или радости, вдруг запело его; но, во-вторых, это лицо, сочинивши, или, говоря его собственным языком, *сложивши* песню, само не знало, что оно - поэт, и смотрело на свое дело не как на дело, а скорее как на безделье от нечего делать; во-вторых, песня, переходя из уст в уста, претерпевала много изменений, то прибавляясь, то убавляясь, то улучшаясь, то искажаясь, смотря по степени присутствия или отсутствия поэтического чувства певших его"¹; б) творческая деятельность мастера слова, который продолжает совершенствовать памятники, уже ставшие народным достоянием; в) произведения профессионального изустного автора, который в совершенстве владеет всеми секретами импровизаторского искусства. Как правило, его имя гораздо популярнее в сравнении с другими типами изустных авторов, а произведения - гораздо долговечнее; г) импровизации, сочиненные на самом последнем этапе бытования изустной литературы конкретным автором и им же зафиксированные на бумаге. Из этих четырех оттенков значений лишь пункт "в" наиболее полно соответствует общепринятому в литературоведении понятию "изустная литература". Таким образом, изустная литература - это словесное импровизаторское творчество профессиональных сочинителей, в произведениях которых выражаются их мировосприятие, эстетические идеалы, индивидуальный стиль и средства изображения; она распространяется изустным путем, передается из поколения в поколение с сохранением первоначального авторского текста. Изустно-литературные творения со временем могут запечатлеться на бумаге, но до этого они непременно должны бытовать определенное время в устах автора или исполнителей. Импровизированные, но зафиксированные тотчас же на бумаге под диктовку или иным способом произведения к изустной литературе не относятся. О творческой индивидуальности автора и средствах достижения

¹ Белинский В.Г. [Статья о народной поэзии] //Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т.V: Статьи и рецензии 1841-1844. -М.: Изд.АН СССР, 1994. -С.331 (курсив автора).

устойчивости "оригинала" в изустных произведениях речь пойдет ниже, в следующих разделах главы.

Как полагают, на заре человечества первые стихотворные тексты рождались в процессе труда или исполнения обрядов, ритуалов, сопровождаемых хоровым пением. Казалось бы, словесное искусство первоначально возникло как продукт коллективного творчества. Но здесь главную роль играл запевала, он начинал, остальные его подхватывали; он же являлся автором ритмических словосочетаний. С течением времени функции запевалы и хора дифференцировались, "при появлении связного текста роль запевалы - корифея должна была усиливаться, участие хора сократиться"¹. А слова и мелодия еще долго бытовали вместе, практически вплоть до появления письменности². Представители изустной литературы тюркских народов свои сочинения зачастую исполняли в сопровождении музыкальных инструментов, что способствовало более длительному сохранению в памяти подлинность авторского текста. Именно текст служил основным выразителем идей - взглядов и мировоззрения сочинителя. Содержание произведения зависело от степени его мастерства. Автор художественного слова постепенно совершенствовался. От простого подражателя, "неосознанного авторства" (М.И.Стеблин-Каменский) прошел путь до всеобщего народного признания. Имена авторов, осознанно зафиксированных в текстах сочинений, встречаются еще в шумерской литературе. Например, в поэтическом споре "Лето и Зима, или Энлиль выбирает богов - покровителя земледельцев" спорящие между собой братья Энеши и Энтен за решающим словом обращаются к отцу Энлилю, а в его поэтическом ответе упомянуты имена всех троих³. В странах Западной Европы, например, понятия *skald* - "автор стихов" и *yrkia* -

¹ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. -М.: Высшая школа, 1989. - С.160.

² История всемирной литературы: В девяти томах, т.1. -М.: Наука, 1983. - С.27.

³ Крамер Самюэл Н. История начинается в Шумере. -М.: Наука, 1991. - С.146.

"сочинять стихи" употреблялись задолго до появления письменности¹. Осознающий свою деятельность автор заботился о себе, фиксировал свое имя в тексте произведения (в устной поэзии тюркских народов, как правило, в конце, в так называемом колофоне). С течением времени авторская осознанность обогатилась новыми качествами, проявившимися в свойственных только данному сочинителю языку и стилю, средствах изображения, вкусе, интересах, мировоззрении и др.

В истории мировой литературы время возникновения и продолжительность устного этапа в различных историко-географических регионах были разными. Тысячелетняя шумерская литература представляла собой "процесс перехода от устной литературы к письменной", а древнейшие аккадские (вавилоно-ассирийские) памятники созданы в письменном виде². У народов с ранней или готовой письменностью устный период литературы может быть весьма краткосрочным и незаметным, "прижатым" между фольклором и письменной литературой. Египетская литература "древнего царства", при широком распространении фольклора, была только авторской и известна только в письменном виде. Из далекого устного периода китайской литературы остались следы в виде своеобразных жанров и жанровых форм. "Та поэзия, которая предшествовала в Китае литературной - юэфу (песенная поэзия) и близкие ей по характеру произведения, где текст связан с музыкой, все еще были литературой устной, чем письменной", - пишет И.С.Лисевич³. Р.Н.Баимов отмечает схожесть основных этапов эволюции восточных литератур - имеющих древние корни (индийская, китайская, иранская) и "молодых" (японская, арабская, турецкая и др.): "общенародное устное творчество; искусство ораторов-импровизаторов (творчество сэзэнов, бахши, жанров, сказителей и т.д.); авторское

¹ Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы. -Л.: Наука, Ленингр. отд., 1984. -С.47.

² История всемирной литературы, т.1. -С.98, 100.

³ Лисевич И.С. Древняя китайская поэзия и народная песня. -М.: Наука, 1969. -С.233.

(профессиональное) письменное творчество"¹. Изустный этап пережили также доклассовая греческая, средневековые западноевропейские и др. литературы. Создатели и исполнители изустной литературы, в зависимости от условий, в различных историко-географических регионах имели определенную преобладающую творческую направленность. Например, в древней Индии певцы делились на три группы: 1) знатоки священных индуистских преданий; 2) бхараты, которые пели о боевых подвигах, знали "родословную и семейную историю местного властителя"; 3) певцы из обездоленных каст Индии². Кельтские друиды, барды, фили, древнегреческие аэды были носителями эпических традиций, пели про деяния предков на праздниках и пиршественных застольях при княжеских дворах, религиозных торжествах; друиды "не излагали письменно своего учения, ... они были прорицателями, знахарями, врачами, жрецами, наставниками; освобождены были от военной службы и окружены были почетом; друид шел рядом с королем, во главе общества"³. Средневековые бургундские канторы, африканские гриоты, старогерманские шпопы - дружинные певцы - прославляли военные подвиги, победы. А жонглеры Франции, шпильманы Германии, скоморохи Болгарии и Руси в основном вели бродячий образ жизни с музыкальным или комедийным увеселительным репертуаром. Менестрели - английские и французские странствующие певцы XIV-XVIII вв., в отличие от них, не обязательно были создателями своих произведений, они часто исполняли произведения других авторов. Примерно такие же функции выполняли древнегреческие рапсоды - декламаторы эпических поэм аэдов, арабские равии - исполнители сочинений бедуинских поэтов, "удерживающие в памяти тысячи стихотворных строк"⁴. У тюркских народов изустные

¹ Баимов Р.Н. Восточная литература: Материалы по истории индийской, иранской, арабской литератур с древнейших времен до XVIII в. -Уфа: Изд. БГУ, 1999. -С.61-62.

² Веселовский А.Н. Историческая поэтика. -С. 252.

³ Там же, с. 211.

⁴ История всемирной литературы: В девяти томах. т.2.- М.: Наука, 1984. - С.211.

профессиональные творцы с широким диапазоном назывались по-разному: азан (древние турки), кедай (ногайцы), олонхосут (якуты), ашуг (азербайджанцы), ашик, бахши, баксы, шаир, манассы (узбеки, туркмены, киргизы), йырау, акын, сзсэн (казахи, башкиры). Хотя изустные этапы литератур у различных народов отделялись по времени - тысячелетиями, по месту - континентами, в тенденциях развития мирового авторского изустного искусства слова наблюдается устойчивая закономерность. Первоначальные творения родились в родо-племенных условиях при содействии обрядов и ритуалов. Знатоки, ценящие магическую силу слова, поэтические причитания использовали в различных обрядовых (а значит, и жизненных) целях - для заговоров, заклинаний, ворожбы, гадания, предсказания, врачевания и т.д. Далее из этих "жанров", связанных с использованием волшебной силы слова, на первый план выходило импровизаторское художественное творчество. Его тематический и жанровый репертуар также типологически тождественен для различных историко-географических регионов. На всех этапах развития изустной литературы заметное место занимает восхваление, воспевание кого- или чего-либо: божественные силы, святых духов, правителей, вождей, военачальников, батыров, победоносные походы, высокую мораль... Авторы, как правило, прекрасные знатоки религиозных и светских легенд и преданий, знаменательных исторических событий, родословной высокопоставленных лиц, используют их в публичных выступлениях или в создании больших эпических произведений. Изустные творцы всегда находятся в гуще общественно-политических событий, пользуются всеобщим уважением масс, смело вмешиваются в деятельность вождей и предводителей, в необходимых случаях влияют на них своими мудрыми советами. Характерная особенность творчества изустных сочинителей - затрагивать самые насущные проблемы времени, актуальные для данного общества именно к моменту публичного высказывания. Жгучие общественно-политические проблемы рождали широкий круг тематики и комплекс жанров от героических и социально-бытовых эпосов до исторических, лирических, афористических песен, гимнов. Арабские реджес -

импровизированные народные гимны - позднее нашли распространение и у тюрков; древнейшее явление изустной литературы - поэтический спор двух мастеров слова способствовал появлению в VIII-V вв. до нашей эры в Греции жанра агон, в древнем и средневековом Востоке - назиры, в X-XI вв. в Европе - тенцоны и настурели, длительному бытованию в тюркской среде айтыша. В средневековье в странах восточной Европы появились бродячие поэты-импровизаторы - германские шпильманы, французские труверы содействовали дальнейшему процветанию героической эпики; творчество русских скоморохов своими увеселительным содержанием было направлено на поднятие духа народных масс, зачастую оно включало элементы устной народной драмы. А вообще яркий образец драмы ("маленькая пьеса с несколькими действующими лицами") обнаруживается в шумерской литературе ("Инонна выбирает мужа")¹; в Индии этот литературный вид и театр появились также в глубокой древности, а "в средние века (XI-XII вв.) начинается уже новый этап в истории драматургического искусства Индии"². Имела бытование в изустной литературе и проза. Она получила распространение у древних персов и арабов. В XVII-XVIII вв. в русской среде были известны так называемые "народные книги", в понятие которых входят "как элементарные подражания фольклорным образцам, механические заимствования в лубочные переложения, так и литературные произведения, созданные на основе художественного и идейного переосмысления фольклора различных жанров"³. Как видим, в изустной среде присутствовали элементы всех трех литературных родов, однако безусловно доминировала в ней поэтическая форма, способствующая более длительному сохранению первоначального авторского "оригинала".

Во втором разделе главы речь идет об изустной литературе общетюркской эпохи. На фоне древней и средневековой истории

¹ Крамер Самюэл Н. История начинается в Шумере. - С.146-148.

² Баймов Р.Н. Восточная литература. - С. 6; см. также с. 135-136.

³ Базанов В.Г. От фольклора к народной книге. -Л.: Худ лит-ра, Ленингр.отд., 1973. -С.66.

тюрков рассматриваются наиболее значительные памятники; выявляются причины сравнительно долгого и устойчивого бытования в тюркской среде изустной поэзии наряду с письменной литературой.

В начале раздела дается краткий обзор знаменательных исторических событий XI-XVI вв., начиная с образования тюркского каганата до распада Золотой Орды, в той или иной мере способствовавших развитию и расцвету как письменного, так изустного вида словесного искусства в тюркской среде. Отпечатки устной словесности находятся еще в самых ранних тюркских рунических памятниках (VII в.). И.В.Стеблева пишет об орхонских надписях: "В текстах памятников легко обнаруживаются следы влияния дружинного эпоса, складывавшегося в окружении предводителя войск"¹. В Большой надписи Кюль-тегина мать правителя сравнивается с птицей Хумай, олицетворяющей в древнетюркской мифологии богиню земного начала и плодородия. Этот образ в том же значении занял место в древнем башкирском эпосе "Урал батыр". Большая и Малая надписи Кюль-тегина привлекают внимание еще и тем, что его слова высечены мастерами по устной диктовке автора Йолыг-тегина, родного брата героя этих двух текстов. В изустных традициях созданы также памятники рунического и уйгурского письма VIII-X вв. "Книга гаданий" ("Ырк битиг") и "Легенда о принце и тигре". А легендарный Коркут - "аксакал, мудрый патриарх, вещий певец и прорицатель"², является, пожалуй, первым ныне известным представителем изустной литературы тюрков. Легенды и предания, эпические сюжеты под его авторством стали появляться у огузских тюрков в VII-XI вв. и записывались примерно в середине второго тысячелетия; то есть в течение пяти-восьми столетий они бытовали под его легендарным авторством в изустной среде. В конце каждого из 12-ти сюжетов, изданных в настоящее время, от имени Коркута благословляется изустное их распространение словами типа: "Пришел дед мой

¹ История всемирной литературы, т.2. -С.197-198.

² Жирмунский В.В. Тюркский героический эпос. -Л.: Наука, Ленингр.отд., 1974. -С.532.

Коркут, сложил песнь, сказал он... после меня пусть переймут и рассказывают ее певцы"¹. В памятнике находим емкую характеристику изустного певца ("С кобзой в руке, от народа к народу, от бека к беку идет певец; кто из мужей отважен, кто не годеи, знает певец..."²), очень созвучную словам, какими обрисовывали башкирские сзэны своих коллег ("[Он] не защитник плохих деяний, не церемонится с врагом, любит справедливость, поет о нуждах страны"). Сюжеты, приписываемые Коркуту, легенды и предания о нем самом в настоящее время встречаются у многих тюркских народов, в том числе и у башкир. Созданное в XII-XIII вв. в Фергане поэтическое сочинение Ахмета Югнаки "Хибат аль-хакаи" ("Подарок истин") полностью можно назвать изустным. Во-первых, автор, как и античный поэт Гомер, с рождения был незрячим и мог творить его только по памяти. Во-вторых, будучи представителем формирующейся в средневековой тюркской среде литературы суфийского направления, он адресовал свое произведение к народным массам - к простому неграмотному слушателю. В колофоне памятника автор сам высказался о его изустном характере ("*Эйтмеш* эдиб дик'кати тел белэ, эгэр белсэ Кашгар тели, һәр кеше беләр ул әдибнең *эйт(м)еше* " - "Высказал [это все] поэт по всем изяществом языка, если кто знает кашгарский язык, то он будет знать все, что сказано"³ - курсив наш). Таким образом, авторские изустные памятники в древней и средневековой общетюркской литературе бытовали наряду с письменными. А далее, на их традициях изустная поэзия долго и устойчиво функционировала в большинстве литератур тюркских народов. На наш взгляд, причины ее особой живучести в тюркском мире необходимо искать в следующих обстоятельствах.

1) Словесное искусство, как известно, может служить мощным идеологическим оружием правящих классов. В зависимости от

¹ Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос /Перевод В.В.Бартольда. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1962. - С.63.

² Там же, с.12-13.

³ Малов С.Г. Памятники древнетюркской письменности. -М.-Л.: Изд. АН СССР, 1951. -С.199, 319, 320-321.

изменения соотношений социальных сил в обществе, меняются и формы бытования словесности как средства идеологии. Процесс классовой дифференциации у тюрков, в силу ряда объективных исторических обстоятельств, протекал медленно и затянулся на несколько столетий. 2) Основным способом производства служило у них скотоводство, которое, по замечанию Л.Н.Гумилева, "является наиболее устойчивой формой хозяйства, почти не поддающейся усовершенствованию"¹. Оно также по своему повлияло на замедленный ход социальной дифференциации, более мирное взаимоотношение между различными социальными силами, во всяком случае не допускало рабовладательства и крепостничества среди соплеменников. 3) Скотоводство само по себе создавало благоприятные условия для процветания изустного поэтического слова, рождения его новых жанров. Достаточно вспомнить появление античных буколики, идиллии, эклоги, средневековую французскую пастораль и др., появление которых было связано с природой. 4) Как ни парадоксально, сама письменная литература у тюрков, в отличие от другой аналогичной среды, содействовала параллельному устойчивому бытованию изустной. Дело в том, что письменные художественные памятники на тюрки обычно создавались на недоступном даже для более или менее грамотного слоя населения языке, с обильно заимствованными арабизмами и фарсизмами. Такая литература удовлетворяла потребности лишь высокообразованной части общества. А остальное большинство выдвигало из своих рядов мастеров изустного слова, которые творили на живом разговорном языке. Они зачастую и книжные сюжеты письменников переложили на народный язык. Перечисленные обстоятельства были характерны для большинства тюркоязычных народов, и функционирование изустной литературы исчисляется у них несколькими столетиями.

В третьем разделе продолжается рассмотрение наиболее значительных памятников изустной поэзии ряда тюркских народов, возникших на традициях общетюркской эпохи словесности.

¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. -М.: Клишников-Комаров и К°, 1993. -С.4.

Прослеживается творчество ярких представителей изустных литератур: турецкой - Юсуфа Амре (XIII-XIV вв.), Пир Солтан Абдала (XVI в.) и современных ашиков; азербайджанской - Гурбани, Ашут-Аббаса, Сары-Ашуга, Ашуг-Валеха (XV-XVI вв.) и плеяды прославленных ашугов XIX-XX вв.; туркменской - шаирав Байрам-хана, Караджа-оглана, Бархудар Туркмена, бахшы Андалиба, Шабенде, Шайдана, Гурбанлы, Магруппи (XVI-XVIII вв.); киргизской - знаменитых манассы Сагинбая Оразбекова и Саякбая Каралаева и их учеников (XIX-XX вв.); казахской - когорты йырау XIV-XVI вв. и самобытных акынов Досмамбета, Бухара, Умбетая, Тати-Каре, Шала, Кутуша, Коблана, Жанкиси, Махамбета (XVII-XIX вв.). Общими, объединяющими началами в их импровизациях выступают созвучность идейно-тематических направлений, сходство жанров и жанровых форм, единство формообразующих показателей. И еще - сочинения изустных авторов принципиально отличаются от фольклорных памятников, которыми был неизмеримо богат каждый из упомянутых регионов. Между мастерами изустного слова разных поколений - наставниками и их учениками - установились многовековые традиции взаимоотношений. Профессиональные творцы новых поколений относились к импровизациям своих старших коллег как к некоему святому, ни в коем случае не осмеливались вносить в них существенные изменения. "Их "вмешательство" в текст своих предшественников, - как отмечает Х.Г. Керогло, - было не более чем "вмешательство" переписчиков рукописей поэтов-классиков"¹. В то же время складывались разные типы носителей изустной литературы, между которыми наблюдалось четкое негласное распределение обязанностей. Одни видели свое предназначение в доведении до публики больших готовых текстов, для чего необходимо было обладать незаурядной памятью, ораторским голосом, организаторскими способностями, искусством привлечения к себе внимания огромной аудитории. Именно таким профессиональным сказителям обязаны мы сегодня наличием в

¹ История всемирной литературы: В девяти томах, т.5. - М.: Наука, 1988. - С.480.

фольклорном репертуаре тюркских народов когда-то авторских, ныне фольклорных шедевров, как "Манас", "Урал батыр", "Кер оглы", "Алпамыш" и др. и бесчисленного множества изустных литературных текстов. Для второй группы мастеров импровизаторская деятельность была не главным, но важным занятием. Они отлично знали давние традиции изустного профессионального творчества, художественные тексты, "поэтические клише" ("общие места"), иногда импровизировали сами, но предпочитали исполнительскую миссию: доводили до масс сочинения ушедших из жизни мастеров, а также своих современников. От "чистых" сказителей первой группы они отличались тем, что в одно и то же время выполняли роль редакторов - в их устах первоначальные тексты импровизаций своих коллег звучали несколько отшлифованными, а некоторые разрозненные части - связанными в единое целое. Между тем, не каждый сказитель осмеливался "трогать" готовые тексты, а только те, кто по мастерству считался равным с первоначальным автором и имел моральное право выступать в роли критика. Третья группа - это в полном смысле слова профессиональные импровизаторы, сочинители самых первых вариантов - "оригиналов" изустных произведений. Безусловно, они непременно выступали перед народом, обладали всеми качествами сказителей, так как устное слово было для них единственным и естественным средством доведения своих творений до предназначенного адресата. Импровизация - не обязательно моментальное сочинение при прямом выступлении перед публикой. Профессиональный импровизатор - большая творческая личность, постоянно занятый проблемами своего времени. О публичном выступлении он, безусловно, заботится заранее, и многие, наиболее важные его мысли в виде готовых поэтических строк могли рождаться раньше, до общения с аудиторией. Но это не исключает активного творческого процесса при выступлении: в зависимости от контингента слушателей, их настроения, расположенности, места, времени и обстоятельств произнесенной речи, что-то добавляется, убирается, подчеркивается - иначе не было бы настоящей импровизации. Для большого мастера внесение необходимых

корректив в готовый текст не составляло большого труда. Зато рождался шедевр - тщательно обдуманная от начала до конца импровизация (будь она кубаиром, толгау, айтыш, воззванием, эпическим повествованием) приобретала неповторимую образно-поэтическую форму, уже не подлежащую изменению ее авторских индивидуально особенностей. И каждый такой подлинный импровизатор имел свой неповторимый голос. По определению М.Б.Храпченко, "творческая индивидуальность - это личность писателя в ее важнейших социально-психологических особенностях, ее видение и художественные претворение мира, это личность художника слова в ее отношении к эстетическим запросам общества, в ее внутренней обращенности к читательской аудитории, к тем, ради кого создается литература"¹. Принимая во внимание это, можно назвать следующие признаки, определяющие индивидуальность импровизаторского творчества:

- отражение в тексте произведений основных черт характера автора, его духовного мира, мировоззрения;

- связь изображаемых событий, приводимых фактов, высказываемых мыслей с конкретной действительностью, современной автору;

- текстологические совпадения в разных произведениях одного автора; присущие только ему "поэтические клише", "общие места";

- осознанный отказ от использования канонизированных поэтических форм, традиционной образности фольклорных жанров, совпадающих с изустными литературными;

- выражение собственного лексикона, словарного запаса;

- упоминание в тексте (не обязательно в колофоне) своего имени или запечатление каких-либо собственных личностных качеств.

Кроме названных постоянно присутствующих, в некоторых импровизациях могут давать о себе знать и другие, весьма своеобразные признаки индивидуальности.

¹ Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. -М.: Сов. писатель, 1972. -С.71-72.

В четвертом разделе прослеживаются этапы развития башкирской изустной литературы. Собственно, разбивка ее функционирования на этапы производится впервые, и мы исходили из принципа изменения характера и содержания деятельности мастеров изустного слова. Первый этап - условный, связанный с происхождением различных обрядов и ритуалов; охватывает период, начиная с глубокой древности до XIV в. новой эры (до начала эпохи йырау); импровизации данного этапа, естественно, давно фольклоризованы. Тем не менее, сохранившийся до наших дней богатейший репертуар обрядового фольклора позволяет нам предположительно вести речь о профессиональных сочинителях, использующих магическую силу слова в своей разносторонней деятельности. Они, видимо, заметно выделялись среди основной массы, пользовались непререкаемым авторитетом; в народе их называли уважительным прозвищем - предсказатель, пророк, знахарь, колдун, вешун, заклинатель, певец. Башкирский обрядовый фольклор сохранил до наших дней даже имена некоторых из них. В заклинаниях, например, наряду с легендарным Коркутом, упоминаются имена Тулька, Кармыкт, Тулпы, Сукак, Кузкорт. Синкретическая деятельность первых мастеров слова постепенно распалась на отдельные "профессии", среди которых особое место занимал баксы - сочинитель, более склонный к использованию слова в художественных целях. (В истории мирового словесного искусства широко известны случаи обладания изустных мастеров рядом смежных "профессий". В VI-III вв. до нашей эры ирландские друиды, позднее западноевропейские жонглеры и филиды, русские скоморохи одновременно выполняли роли предсказателей, знахарей, жрецов, комедиантов). В настоящее время значение слова "баксы" ("бахшы", "бахши") в тюркских языках толкуется по-разному: "у узбеков слово "бахши" одновременно означает и сказителя эпоса, и лекаря-шамана, так как в прошлом эти профессии иногда совмещались; у туркмен "бахшы" - только народный певец; у казахов "баксы" - только лекарь-шаман"¹. У башкир "баксы" сейчас употребляется в филологии

¹ Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. - С.29.

лишь в первоначальном значении, подразумевающим древнего изустного мастера слова с разносторонними способностями ("баксы", "бағымсы" - прорицатель, знахарь, ворожея, гадалка). Второй этап - эпоха йырау, из которой до нас дошли имена и некоторые импровизации Хабрау, Асана Кайгы, Казтугана, Шалгииза, их жизнь и творчество приходится на XIV-XVI столетия. Однако слово "йырау" в тюркских письменных источниках в значении изустного поэтического творца упоминается гораздо раньше. В частности, в памятнике "Диван лугат ит-тюрк" М.Кашгари (1073-1074) оно истолковано как "игрок на музыкальном инструменте", "певец"¹. Это значит, что задолго до эпохи йырау изустные певцы в тюркском мире освободились от своих синкретических обязанностей. Причем, слово "йырау" свое основное значение (у башкир - "народный певец") сохранило в течение тысячелетия. То же самое толкование находим у В.В.Радлова: "певец (der Singer, Troubadour)"². Творчество йырау XIV-XVI вв. характеризуется тем, что оно было общим достоянием башкир, казахов, каракалпаков и ногайцев. "Значит, будет правильным, - отметил по этому поводу каракалпакский исследователь К. Мамбетов, - если йырау данной эпохи (XIV-XVI вв. - М.И.) называть казахскими, каракалпакскими, башкирскими поэтами"³. В отличие от баксы, основной профессией йырау осталось песенно-поэтическое творчество, а их роль в жизни общества еще более повысилась: "Само слово "жырау" происходит от слова "жыр" - стихотворение, песнь, и жырау, таким образом, прежде всего - творец. Но в условиях кочевой жизни жырау исполняли также множество общественных функций. Многие жырау, жившие в XV-XVIII веках, были не только поэтами, но и вождями племен, улусов, племенных союзов, а также батырами,

¹ Divanu Lugat-it turk (Дивани лугат-ит тюрк): 3 baski. - Cilt 3 - Ankara: Turk takin kurumu basimevi, 1992. - а. 36 (на турецк. яз.).

² Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т.3, ч.3. -СПб., 1905. - С.515.

³ Мамбетов К. Пути формирования древней каракалпакской литературы. - Нукус: Каракалпакстан, 1976. - С. 106 (на каракалпакск. яз.).

предводителями племенной дружины”¹. В их импровизациях поднимались вопросы, выражающие нужды и чаяния общества. Сами йырау не засиживались в одном месте, а странствовали по всем названным регионам, знали общие проблемы соседствующих родственных народов и затрагивали их в своем творчестве. Третий этап, эпоха сэсэнов, по историческим условиям резко отличается от двух предыдущих; он приходится на российский период башкирской литературы. В разделе дается подробная характеристика исторической обстановки в Башкортостане XVI - начала XX вв., далее выясняется сфера распространения слова "сэсэн" и раскрываются варианты его значений. В тюркском мире "сэсэн" называют лишь башкирских мастеров изустного слова, однако это слово в родственных звучаниях встречается и у других, даже не обязательно тюркских, народов: у бурят - "чечен", у узбеков - "чечан", у казахов - "пешен", у каракалпаков - "шишин", у татар - "чичэн", у монголов - "сэчен", "цицен", у китайцев - "шенжень" и др. Во всех перечисленных случаях он эквивалентен значениям "мудрец", "творец", "остроумный", "импровизатор". Вероятнее всего, близкие соседи башкир - казахи, узбеки, каракалпаки, татары - имели в виду здесь истинного сэсэна, т.е. выходца из башкир. В самой башкирской среде "сэсэн" считается словом древнего происхождения, оно бытовало параллельно с "йырау" и, вполне возможно, восходит к временам тюркского каганата и имеет отношение к китайскому, монгольскому языкам. Казахский исследователь Ч.Валиханов в XIX в., опираясь на книгу "Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Furstenhauses" ("История Восточных монголов и их династии", - Спб., 1829), заметил: "Чечен, или Сечен, значит мудрый... Слово это древнемонгольское и имело такое значение: один из предков Чингисхана, известный у восточных [писателей] под именем... (многоочие автора - М.И.) назван у Санан Сецена Пибибагай-Сецен"². Привлекает внимание и

¹ Магауин М. Поэзия казахских степей // Поэты Казахстана. - М.: Сов. Писатель, 1978. - С. 7.

² Валиханов Ч. Избранные произведения /Вступительная статья А.Х.Маргулана. -М.: Наука, 1986. - С. 260, 371.

тот факт, что дед основателя персидской династии Сасанидов (224-651 гг. н.э.) Ардашира Бабакана Сасан был жрецом¹. В настоящее время данное слово в башкирском языке имеет несколько оттенков значений: 1) человек, способный к образному, остроумному мышлению; 2) носитель репертуара фольклора и изустной литературы, сказитель; 3) профессиональный импровизатор, творец изустной литературы. Но, поскольку неумолимое время неравномерно сохранило имена и поэтическое наследие последних, то профессионалов с этой позиции можно в свою очередь разделить на три группы. Первая - это те, кто жили и творили до XIV в. и исторически первыми удостоивались почетного прозвища "сэсэн", их имена забыты, импровизации давно стали фольклорными. А те, имена которых известны, но при этом ни одной строчки их импровизаций не дошло до нас, относятся ко второй группе: Катай Гали сэсэн, Ихсан сэсэн, Турумтай сэсэн, Суяндук сэсэн, Кильдыш сэсэн, Еммет сэсэн, Каракай сэсэн, Яхъя сэсэн и др. По шежере, документам и фольклорным источникам известно, что они, как и другие их соратники по творчеству, принимали самое активное участие в общественно-политической жизни, пользовались всеобщим уважением масс. Третью группу представляют уже именитые в изустной литературе фигуры Еренсе, Кубагуш, Акмурза, Карас, Байык, Махмут, Буранбай, Ишмухамет Мурзакаев, Габит Аргынбаев, Мухамметша Бурангулов (XVI в. - первая половина XX в.). В данном разделе диссертации предлагается и обосновывается первый опыт периодизации их творчества. Первый период (XVI-XVIII вв.) совпадает по времени и по ряду исторических обстоятельств с наличием наиболее благоприятной почвы для расцвета изустной литературы в регионе. До начала XIX в. сэсэны имели возможность беспрепятственного передвижения по всей тогдашней территории Башкортостана и за ее пределами, незатрудненного общения с большой публикой, свободного выступления перед любой аудиторией. Именно в этот период, как исторически обусловленные категории литературы, функционировали все основные жанры башкирской изустной

¹ Банмов Р.Н. Восточная литература. - С. 68.

поэзии, о которых подробнее излагается во второй главе работы. Вообще, XVI-XVIII вв. можно назвать классическим периодом творчества сэзэнов. Все вышеперечисленные возможности постепенно ограничивались во втором периоде (XIX в. - начало XX вв.), в условиях усиления колонизации края, начала развития капиталистических отношений в нем. Введение указом императора Павла I от 10 апреля 1798 г. так называемой кантонной системы привело к ликвидации органов самоуправления в Башкортостане. В 1831 г. кантонные начальники были извещены губернским управлением о запрете центром йыйынов - регулярного большого собрания башкир, который издревле традиционно служил и праздником, и высшим органом для решения наиболее важных вопросов местного населения. Таким образом, сэзэны лишились не только своей аудитории, но и права публичных выступлений и непосредственного общения с массами на местах. Их самовольное продвижение грозило ярлыком беглеца и наказанием ссылкой, как часто и происходило. В результате в этот период постепенно изменился жанровый состав изустной литературы, новые эпосы, айтышы, кубайры уже не создавались, но ранее сочиненные сохранились в исполнительском репертуаре сэзэнов; на первый план вышла песня, способная распространяться и во внеаудиторных условиях. К данному жанру прибегали основные представители изустной литературы XIX - начала XX вв. Буранбай, Ишмухамет, Габит, в их творчестве активизировались ее жанровые формы - историческая, социально-бытовая, лирическая и др. Третий же этап (с начала до середины XX в.) характеризуется постепенным уходом профессиональной изустной литературы с арены словесного искусства. Ускорили этот процесс два важных обстоятельства: 1) переход изустных авторов к письменному изложению своих сочинений и потеря в связи с этим истинных импровизаторских качеств; 2) подчинение идеологии существующего строя, утрата присущих подлинным авторам изустной поэзии таких природных свойств, как дар предвидения, объективного восприятия жизни во всех сложностях, умение правильно оценивать происходящие события и сложившиеся ситуации, и главное - смело и правдиво довести все это до народных масс. В литературе данного периода

мелькали десятки имен, которых "по инерции" называли сэсэнами, но далеко не все они были профессионалами. А творчество известных сэсэнов первой половины XX в. Фарраха Давлетшина и Саита Исмагилова (им двоим и Мухаметше Бурангулову было присвоено почетное звание "Народный сэсэн Башкирии") более тяготело к письменной литературе. Лишь Мухаметша Бурангулов сумел воплотить в себе главные свойства многогранной деятельности изустных мастеров XVI-XIX вв.: импровизаторской, исполнительской, собирательской, общественно-политической и др.

Таким образом, из материалов первой главы можно заключить, что изустная литература была в словесном искусстве первой осознанной (авторской) формой художественного отображения действительности. Ее рождение связано с ранними трудовыми, будничными, праздничными ритуальными обрядами. В истории мировой изустной литературы сложились свои общие тенденции развития, обусловленные общностью социально-общественных условий. Богатейшие традиции функционирования изустной литературы формировались у тюркских народов, которые подарили в мировую сокровищницу ее уникальные памятники. В башкирской литературе изустная форма ее бытования с известными именами авторов и памятников (не считая ныне фольклоризованных) в русле лучших мировых традиций исчисляется столетиями.

Вторая глава "Взаимосвязь изустной литературы с фольклором и письменной литературой", включающая в себя четыре раздела, целиком посвящена освещению процесса взаимовлияния этих трех систем словесного искусства и характеристике основных жанров башкирской изустной поэзии.

В начале **первого раздела** ведется речь о первоначальных предпосылках контактов этих трех видов словесности. Изустная литература - "родина" словесного искусства, она находится в центре между фольклором и письменной литературой и служит опорой, базой для их развития. Первоначально все устные сочинения (кроме абсолютно коллективных) рождаются в ее среде и со временем, когда их авторы предаются забвению, становятся достоянием фольклора. А письменная литература, как известно,

питается лучшими традициями как фольклора, так и изустной поэзии. К тому же, авторские изустные сочинения на последнем этапе бытования этой литературы зачастую доводятся до читателей письменным путем. Выходит, богатейший фольклорный репертуар башкирского народа (последнее издание - в 36-и томах) свидетельствует также и о длительности и богатстве древнего этапа изустной литературы. По подтверждению многочисленных фактов, письменность в регионе тоже возникла рано; первые общетюркские письменные литературные памятники или образцы надписей, начиная с рунических, имели распространение и среди башкир. Стало быть, можно вести речь о длительной истории взаимоотношений изустной, письменной литературы и фольклора. Сэсэн, хотя и выбирали устную речь в качестве единственного средства общения с публикой, в большинстве имели весьма высокое образование. (Все они, кроме Еренсе, являются выходцами из имущих слоев населения). Они были осведомлены об исторических событиях страны, как правило, по письменным источникам, художественные памятники читали в оригиналах или полных версиях. При всем том сэсэн предпочитали изустное изложение своих сочинений. Иначе и быть не могло: во-первых, по призванию они являлись изустными творцами, во-вторых, имели дело с менее грамотной или вовсе неграмотной частью населения; в-третьих, чаще всего они говорили о таких оперативных, безотлагательных, важных именно к моменту выступления проблемах, что задержка, отводимая на письменное изложение и тиражированное распространение, привела бы к потере всякого смысла высказываемого.

Далее в разделе говорится об абызах, незаурядных, как и сэсэн, литературных творцах и крупных общественно-политических деятелях. В эпоху сэсэнов у башкир был и другой тип личностей, имеющий непосредственное отношение к письму и именуемый "абызами". "Абыз" - это то же прозвище, данное народом кому-либо за его бескорыстную деятельность в пользу интересов масс. Это - слово древнего происхождения, на языке тюрки означает "грамотный, авторитетный человек", его значение на казахском языке совпадает со словами "пророк, акын",

"умеющий говорить"¹. Действительно, в XVII-XIX вв. абызы работали на одном фронте с сэсэнами: "являясь, наравне с сэсэнами, наиболее передовой интеллектуальной силой башкирского общества того времени, абызы, близко стоящие к широким слоям народной массы, принимали на себя заботу о сегодняшнем и завтрашнем дне"². Но творческая сфера у них в сравнении с сэсэнами была более узкой и выражалась в публицистике преимущественно общественно-политического содержания. Причину сходства идейной тематики письменной публицистики XVII-XIX вв. с импровизациями того времени следует искать в единомыслии абызов и сэсэнов. Знатные абызы Актай, Бепеней, Кильмяк, Алдар, Кинзя и др. (XVII-XVIII вв.) были близкими соратниками современных им прославленных сэсэнов.

Второй раздел посвящен изучению основных объектов изображения и главных тематических направлений башкирской изустной поэзии, так как в них наиболее ярко обнаруживаются границы взаимопроникновения признаков изустной литературы, с одной стороны, и фольклора и письменной литературы - с другой. Импровизации йырау и сэсэнов, в отличие от фольклора и письменной литературы, почти целиком обращены к повседневным проблемам времени. Данная особенность была присуща изустной литературе еще на раннем ее этапе. Вспомним, запевала (автор) и все остальные (хор) пели о том, что непосредственно касалось их повседневной жизни: трудовой процесс, охота, быт, отдых, праздники, обряды и др. Синкретический этап творчества отдельного от хора самостоятельного автора также был тесно связан со своим временем, его заботами. А позднее уже злободневность творчества йырау и сэсэнов по отношению к современной им жизни отчетливо вырисовывалась в тематике их произведений. Тематический круг башкирской изустной литературы до поразительного точно совпадает с основным предметом и содержанием текстов мировой изустной сферы,

¹ Абыз // Толковый словарь казахского языка. 1 т. -Алма-Ата: Гылым, 1974. -С.38. (на казах.яз.).

² Амиров Р.К. Летопись современности. -Уфа: Башкнигоиздат, 1985. -С.23.

созданных в течение тысячелетий в различных географических областях. В общечеловеческом масштабе издревле, начиная с шумерской изустности, индийской "Ригведы", южных циклов китайских юэфу, греческих аэдов, на переднем плане, в центре изображения было воспевание защитнических и освободительных военных походов, героических личностей и военачальников. Среди башкир, наряду с другими первобытными обычаями, издревле широко бытовали обряды и ритуалы, связанные с боевыми действиями и охотой: обращение воинов перед сражением друг к другу с боевым кличем, к оружию с молебной речью, определение условий боя, высмеивание врага и т.д. Некоторые из них сопровождались поэтической речью. Далее все это в импровизациях йырау и сэзнов выразилось в трех основных тематических направлениях, тождественных с мировыми и общетюркскими: 1) восхваление ратной героики, воинов-победителей, военачальников, вождей, предводителей родов и племен; 2) обращение к противнику с целью его высмеивания, морального уничтожения; 3) защита родины от захватчиков. Из первого направления вырос еще один важный мотив - обращение к правителям, предводителям различных рангов. Оно преследовало цель посредством положительного влияния на их деятельность проявлять заботу о благополучии и мощи страны, ее безопасности. Мудрый вождь или предводитель ценил такого наставника, зачастую он сам обращался к нему за дельными советами. В древней Германии, например, дружинный певец шлоп, "близкий к царю, вождю человек", сидел у его ног¹. Тюркского легендарного Коркута любили все - и ханская династия Йавы, и народные массы: "Весь народ сказал Коркуту: "Судьба хана и всего огузского иля в твоих руках, поступай так, как найдешь нужным"². В условиях длительного нахождения Башкортостана под чужим гнетом, как правило, беспощадно разоблачались отрицательные качества высокопоставленных лиц (чаще всего - ханов). Еще одно

¹ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. - С. 248.

² Родословная туркмен: Сочинения Абу-л-Гази хана Хивинского, -М.-Л.: Изд. АН СССР, 1958. -С.59.

весьма солидное тематическое направление во всей, в том числе и в башкирской, изустной литературе - это чаяния народных масс. Оно разветвлено на множество самостоятельных тематических групп, охватывающих все стороны жизни трудового населения. Наиболее значительные из них: родина с ее райской природой; добрые молодцы, как надежда и оплот страны; знаменательные личности; верность святым заветам предков; моральные устои общества и др. В башкирской изустной поэзии все эти проблемы преподносятся слушателю в дидактическом или философском плане в благожелательной манере.

В третьем разделе дается обзор многовековой взаимосвязи изустной и письменной общетюркской и башкирской литературы.

По наблюдениям и фактам, изложенным в предыдущих разделах главы, отчетливо обнаруживается, что принципиальная разница между изустной и письменной передачей художественного материала заключается в адресате его назначения и оперативности содержания. Все то, о чем говорит изустный автор, относится к "сегодняшнему" своего времени, чаще всего - безотлагательному к моменту выступлений. Его слушатель стоит рядом (а может быть, сидит на троне), непосредственно воспринимает, тотчас же делает выводы, принимает решения. Письменная же литература повествует о прошедшем. Если даже и поднимаются в ней самые злободневные вопросы, все равно проходит определенное время между фиксацией на бумаге и восприятием читателем. Между тем, очень часто некогда оперативные сочинения изустной литературы потом служат базой, источником для письменной. Сюжеты большого цикла восточных средневековых дастанов когда-то первоначально были сочинены изустными авторами. Таким образом, письменная литература с самого, можно сказать, своего рождения подвергалась влиянию изустной. В разделе рассматриваются письменные памятники VII-XVIII вв., общетюркские и башкирские, в той или иной мере в различных проявлениях содержащие в себе следы контактов с фольклорными и авторскими изустными текстами. В Большой и Малой орхонских надписях, например, как в зеркале нашли отражение все три группы рассмотренного выше первого тематического направления изустной

поэзии. Как бы в дополнение к ним, в миниатюрных притчах "Ырк битиг" и сборнике "Хибат аль-хакаик" А.Югнаки, созданных в характерной для изустной поэзии форме обращения к слушателю, сконцентрированы повседневные житейские вопросы, правила поведения, морально-этические нормы - все основные проблемы, запечатленные во второй тематической группе. Даже в эпитафийных поэтических изречениях Урало-Поволжья, Башкортостана XII-XVIII вв. зафиксированы философские мысли о бренности мира, о жизни и смерти, местами дословно совпадающие с афористичными строками кубаиров. В древнетюркских памятниках "Кутадгу билик" Ю.Баласагунлы, "Диван лугат ит-тюрк" М.Кашгари и средневековых кипчакских диванах и дастанах "Мухаббатнаме" Хорезми, "Гулистан бит-тюрки" Сараи, "Жумжума Султан" Катиба, "Хосроу и Ширин" Кутба обнаруживаются аналогичные признаки близости с башкирскими изустными памятниками. В частности, особое внимание привлекает "Хосроу и Ширин". Во-первых, в самом дастане есть образы изустных певцов Барбеда и Никисы, заимствованные, как и основная сюжетная канва, из одноименных персоязычных дастанов Фирдауси и Низами. У Кутба они являются приближенными правителя Хосроу, и в самых критических ситуациях их поэтическое слово играет решающую роль. Во-вторых, судя по содержанию дастана, автор тоже проникнут духом этих своих героев, высоко ценит силу устной поэтической речи, сравнивает ее с волей человека, сидящего на троне. Причем, дастан изобилует меткими образными выражениями, пословицами и поговорками, фразеологизмами, некоторые из них призывают употреблять слова правильно, по назначению ("Сүз үлсәб сүзләтелсә, сүзгә охшар, үкүш сүз йөк ишәккә, тип мәкәл бар" - "Слово оно есть слово, когда высказано взвешенно; пословица гласит, что плохое слово - груз для ишака")¹. К тому же, в поэтическом лексиконе автора,

¹ Zaiaczkowski A. Naistarsza wersia turecka Husrau u Sirin Qutba:

(Зайончковский А. Старейшая тюркская версия "Хосроу и Ширин" Кутба) Ozesc I. Tekst - Warszawa, 1958. - С. 175 (на польск. яз.; тексты - на яз. тюрки).

наряду с арабскими, персидскими, тюркскими, достаточное количество чисто башкирских слов, сохранивших свое звучание и правописание даже в современном употреблении: өлкәр, андыз, оторо, утлау, йәйләү, һомай кош, зиндан, нәүкәр, тойгон, ойоу, козот, кош һалыу, бистә, сатыр, һағыш һ.б. Эти слова часто применялись в башкирских эпических повествованиях, кубаирах, где имелись эпизоды, связанные с описанием природы, охоты, боевых походов. Остается полагать, что автор "Хосроу и Ширин" мог быть знаком с эпическим творчеством йырау и сәсэнәв. Нарушая хронологию, здесь мы вынуждены обратиться к более позднему письменному памятнику - к киссе Багауи под названием "Бузьегет". Созданная в середине XIX в. в г. Уфе, она известна тем, что в равной мере содержит признаки и письменного, и изустного сочинения. "Бузьегет" имеет и другие письменные версии среди башкир, казахов, татар, каракалпаков, ногайцев, а в Башкортостане распространены также и фольклорные варианты. В содержании уфимского же текста отчетливо обнаруживаются отдельные элементы сюжета "Хосроу и Ширин" Кутба. Схожие эпизоды присутствуют в разных местах текстов (главные герои узнают друг о друге и встречаются вследствие сновидений; и Хосроу, и Бузьегет при поиске возлюбленной обращаются к помощи ближайшего друга; влюбленные пары - дети правителей; главную героиню везде сопровождают ее подруги; присутствуют образцы изустных певцов, высказывающих в решающие моменты с дельными советами; трагическая концовка: главные герои погибают почти в идентичных обстоятельствах и т.д.). Авторское повествование в киссе, как и в "Хосроу и Ширин", дано 11-сложными стихотворными строками, а речи героев построены на 7-сложном размере кубаира, что наблюдается во всех ее фольклорных версиях. Первые ныне известные самобытные башкирские письменные памятники начали появляться в XV-XVI вв. До XVIII в. идет процесс становления и развития письменной башкирской литературы, характеризующейся разнообразием жанрово-стилевых форм. В российскую эпоху в башкирской среде создавались новые версии восточных дастанов, анонимные или авторские поэтические сочинения в духе агиографического и суфийского содержания,

шежере, а также историко-художественные (таварихи), художественно-путевые (саяхатнаме); художественно-публицистические записи синкретического содержания. Степень близости их к изустной литературе не одинакова. Больше выражена она в шежере и публицистике. А особенно - в уникальном памятнике XV в. "Последний из сартаево рода". В этом небольшом прозаическом сочинении объемом 6-7 книжных страниц повествуется об опустошительных боевых действиях Золотоордынского хана Тимура на территории Башкортостана в конце XIV в. Автор его, Ялык Бурнак улы, был знатым бием, получившим образование, судя по тексту, в одном из среднеазиатских городов, умным военачальником, знающим древние воинские обычаи и ритуалы, главой рода, уважаемым именитыми современниками, прекрасным знатоком истории, талантливым мастером слова, искушенным в традициях как изустной, так и письменной литературы. Есть все основания утверждать, что "Последний из сартаево рода" сначала в стихотворной форме сочинялся изустно и с течением времени был зафиксирован письменно. (Единственная ныне известная версия - это текст на русском языке, переведенный в 1935 г. краеведом М.К.Касьяновым¹). Во-первых, произведение начинается привлекающими внимание публики словами: "Слушайте все!" К подобному приему часто прибегали йырау и сэсэн. Такое обращение в тексте повторяется неоднократно: "...я заставлю свой язык *рассказать* вам все, что было"; "тыңлагыз барыгыз да!" ("*слушайте* все!"); "я расскажу вам о своих детях"; "я *скажу*"; "эй, агайларым!" ("эй, братья мои!"); "*слушайте!*"; "я буду *говорить* до конца"; "я вам скажу"; "знайте!"; "знайте все!"; "белегез, кышылырем!" ("знайте, люди мои!"); "но я *скажу*". К тому же, рассказчик является непосредственным свидетелем всех описываемых событий. Некоторые из эпизодов происходят именно в момент произнесения речи, прямо перед глазами воображаемых слушателей. Главное, язык памятника в корне отличается от стиля

¹ Башкирское народное творчество: Предание и легенды. -Уфа: Башк. кн. изд., 1987. -С.173-179.

письменных сочинений той эпохи, он весьма близок к речи импровизаторов: прост, лаконичен, образен, меток. ("Он всегда смел и отважен, как раненый беркут"; "Аксакал Кара-Абыз имел дочь, которая затмевала своей красотой даже летнюю луну"; "Ее волосы были много чернее, чем крыло кузгуна"; "В вышине сверкал Ете-Йондоз, который так походит на опрокинутый черпак для кумыса"; "Их столько (войско противника - М.И.), сколько может быть дурных мух в сухое жаркое лето"; "Судьба родившегося в годы барса подобна весеннему ветру, изменчивому, как женщина, которая есть и тепло, и холод" и др.).

Если присутствуют книжные выражения, то лишь в уместной, вполне допустимой для образованного человека норме. Наконец, даже в переводе на русский язык текст не потерял своей ритмичности, в какой, видимо, был в первоначальном стихотворном варианте. Главная мысль памятника передана в следующих предложениях, весьма созвучных с идейным содержанием многих импровизаций йырау XIV-XVI вв.: "В сердце каждого из нас кипела тогда отвага и ненависть. Мы шли защищать свои леса, защищать свои степи. Мы не хотели рабства"¹.

Еще более очевидная связь с изустностью прослеживается у большой группы письменных памятников под общим названием "шежере". Это - генеалогическая запись родов и племен, создаваемая часто представителями нескольких поколений. Письменные фиксации историй родов и племен в виде летописей, исторических преданий, саг, книг событий, родословий и др. существовали в Западной и Восточной Европе, Скандинавии и особенно - у восточных народов². Историю создания башкирских шежере можно разделить на два этапа. Как пишет Р.Г.Кузеев, "наличие шежере в башкирском роде было также обязательно, как

¹ Башкирское народное творчество: Предание и легенды. -Уфа: Башк. кн. изд., 1987. -С.177.

² Хусаинов Г.Б. Шежере как историко-литературный памятник // Башкирские шежере: филологические исследования и публикации. -Уфа: Изд. БФАН СССР, 1985. -С.3.

обязательно такие родовые атрибуты, как тамга, птица, дерево"¹. Значит, время его возникновения относится к древности. Приблизительно до средних веков шежере составлялось устным путем в стихотворной форме, в таком виде оно "легче заучивалось и с меньшими искажениями передавалось из поколения в поколение"². Как мы помним, изустные авторы, в том числе йырау и сэсэны были прекрасными знатоками родословий предводителей, военачальников, вождей родов и племен, прославляли их, выступали в роли советчиков. Вполне возможно, что устное шежере составляло один из жанров их творчества. Следы изустной эпохи сохранились во втором, письменном, этапе шежере (XV - начало XX вв.). Например, два текста - шежере рода Усерген и Кара Табын - известны в стихотворной форме, первый из них был сочинен 7-сложным размером кубайра. Некоторые тексты родословной передают сюжеты эпических повествований, легенд и преданий. В шежере рода Карагай-Кыпсак зафиксирован один из вариантов эпоса "Кусяк бий", а шежере рода Юрматы начинается с описания события, связанного с мифическим образом дракона. Орывки из кубайров, песни, легенды и предания, байты, пословицы и поговорки, перекликающиеся с импровизациями йырау и сэсэнов, можно обнаружить как в средневековых, так и в более поздних (XIX - начало XX вв.) текстах шежере. Многие из них не просто запечатлели голую историю, цепь и ветвь поколений рода, а на подобающем литературно-художественном уровне поднимали злободневные проблемы времени, на них заостряли внимание вождей и всех сородичей. По сути, в шежере находили отражение все те общественные и социально-бытовые вопросы, которые волновали мастеров изустного слова.

Публицистика XIV-XVIII вв. (письма, указы, обращения, воззвания), в отличие от шежере, не могла пережить изустного этапа по следующим простым причинам: 1) его отвергал относительно строгий стиль данного жанра; 2) в синкретическом содержании публицистики художественности отводилось

¹ Башкирские шежере. -Уфа: Башк.кн.изд., 1960. -С.10.

² Башкирские шежере. -Уфа: Башк.кн.изд., 1960. - С.200.

небольшое место; 3) до рождения письменной публицистики ее миссию выполняла изустная литература; в этом кроется секрет соответствия природы деятельности абызов - авторов художественно-публицистических текстов - и сэсэнов.

В четвертом разделе проводится первый опыт выявления и характеристики жанров изустной башкирской поэзии XIV - начала XX вв. Система жанров как лакмусовая бумага ярко раскрывает природу каждого из трех видов словесного искусства, позволяет распознать грань между ними. Процесс расчленения изустной литературы на жанры начался на самом раннем этапе ее бытования. В обрядовой поэзии каждое поэтическое слово (или пение) имело свое предназначение: колдовало, лечило, бодрило, позорило (врага) и т.д. В дальнейшем приверженность изустных авторов к каким-либо жанрам определяла их роль в обществе. Например, деятельность друидов, аэдов, йырау и сэсэнов резко отличалась от образа жизни и природы творчества жонглеров и скоморохов. Изустная литература тюркских народов имеет сильно развитую систему жанров и жанровых форм: эпос, кубаир, толгау, ундеу (воззвание), мактау (мактоо - восхваление), арнау - (арноо - посвящение), айтыш, улен, йыр (жыр - песня), терме, айтыш (айтыс - поэтический спор), каим, шешендик сюз, каргау (кордоо - заклинание), васыят (насихат - завещание), гошма, баяти, сынсу, кара сулен, кубаир, байт и др. Но относительно творчества йырау и сэсэнов можно вести речь лишь о некоторых из них - об эпосе, айтыше, кубаире, песне и байте. Жанры с теми же названиями имеются и в поэтическом репертуаре фольклора. Однако между одноименными жанрами фольклора и изустной литературы невозможно ставить знак равенства.

Эпос мы привыкли считать исконно фольклорным жанром. Однако некоторые более поздние из башкирских эпосов, появившиеся в эпоху йырау и сэсэнов, сохранили заметные следы индивидуальности. В них, наряду с другими героями первого плана, действует образ изустного творца. Как известно, в мировом фольклорном репертуаре таких эпических повествований довольно много. "Герои позднего эпоса в большинстве своем идентифицируются как персонажи, имеющие реальных

противников, реально соотносимые с конкретным временем и реальными местами, - пишет Б.К.Путилов. - ...Выдвигаются на первый план моменты поэтизации социальных, психологических, личностных признаков, значительное место занимают лирические характеристики - все это вдвигается в рамки относительной хроникальности"¹. Но в башкирских текстах этот образ непременно выступает свидетелем и активным участником повествуемых событий; а главное, он же - конкретное историческое лицо, один из самых знаменитых йырау или сэсэнов эпохи. В данных эпосах, как правило, речам героев отводится основная часть объема текста, а их действия и события описываются весьма кратко. Здесь монолог или обращение сэсэна, йырау к другим персонажам становится как бы "лирическим отступлением", "авторским словом", где дается строгая оценка происходящим событиям и действиям главных героев, выражается личное отношение явлениям эпохи, которые им же описываются в эпосе. Наделенное образом лирического героя повествование приобретает дополнительные черты индивидуальности, каких нет в фольклорных эпосах: избавляется от мифических элементов, фантастических эпизодов, вместо них усиливаются историческая конкретность, дух времени, дидактические и философские мотивы, главными героями выступают конкретные исторические лица - современники автора. Таковыми являются "Юлай и Салават" и башкирская версия общетюркского эпоса "Идукай и Мурадым", которые подробнее рассматриваются ниже, в третьей главе диссертации.

Айтыш - это жанр чисто изустной литературы, "вершина искусства импровизации"². В процессе поэтического спора стороны интенсивно мыслят, полностью раскрывают свои творческие возможности, мировоззрение. Корни поэтического спора уходят в древность. В шумерской литературе стремление мастеров слова выявить большее значение или полезность одного из двух

¹ Путилов Б.К. Исторический эпос и действительность. М.: Наука, 1989. - С.209-210.

² Исмаилов Е. Айтыс // Краткая литературная энциклопедия, т.1. -М.: Сов.энциклопедия, 1962. -С.113.

"антагонистических" явлений и вещей ("зима и лето, скот и зерно, птица и рыба, дерево и тростник, серебро и бронза, мотыга и плуг, скотовод и земледелец") влекло их "к жанру литературного спора, или диспута, созданного наиболее одаренными из них специально для этой цели. Основную роль в таких диспутах играют доводы противников, каждый из которых "возвышает" себя и "принижает" своего противника. Все это излагается в форме поэтического произведения, ибо шумерские авторы являлись прямыми наследниками еще не знавших грамоты певцов более ранних эпох"¹. А.Н.Веселовский появление жанра агон (поэтический спор), возникшего в результате состязания поэтов, возводит к XIII-V векам до новой эры, общеиндоевропейскому этапу словесности². В учении великого восточного пророка Заратустры (конец VII - первая половина VI вв. до н.э.) Авесте отражен диалог его самого и "бога добра и света Ахуры Мазды; Заратустрой проповедуется "идея борьбы двух начал - добра и зла, утверждается необходимость постоянной борьбы в зороастризме за добро"³. В основе жанра танка японской поэзии раннего средневековья элементы спора, ее функционирование "мыслилось прежде всего как диалог (обмен стихотворными посланиями) или песенная переключка с большим числом участников"⁴. Разновидностью поэтического турнира двух участников в западной провансальской лирике XII в. была тенциона. Первые образцы тюркского айтыша зафиксированы в письменном памятнике "Диван лугат ит-тюрк" М.Кашгари⁵. Арабский путешественник Аль-Гарнати, посетивший в первой половине XII в. Восточную Европу, пишет об устройении в

¹ Самюэл Н. Крамер. История начинается в Шумере. - С.144.

² Веселовский А.Н. Историческая поэтика. - С. 363.

³ Баимов Р.Н. Восточная литература. - С.64, 68.

⁴ Ермакова Л.М. Ритуальные и космогонические значения в японской поэзии // Архаический ритуал в фольклорных и ритуальных памятниках. - М.: Наука, 1988. -С.65.

⁵ Divanu Lugat it turk: (Дивани лугат-ит тюрк) 3 baski - Cilt 1. - A. 170.

Сарае айтышлов тюркских изустных поэтов¹. Его расцвет в башкирской литературе приходится на XIV-XVIII вв. Лучшими образцами данного жанра являются поэтические споры Хабрау йырау с батыром Идукай, Кубагуша сэсэна с сэсэном Акмурзай, Караса сэсэна с казахским батыром Акса, Байыка сэсэна с казахским акыном Бухаром, Салавата со своей любимой девушкой Зюлейхой. В зависимости от места рождения и личностных качеств спорящих, айтышы йырау и сэсэнов преследовали следующие конкретные цели: 1) решение важных общественно-политических, социальных проблем; 2) урегулирование междоусобиц мирным путем; 3) определение степени мудрости, остроты ума, уровня импровизаторского мастерства напарника; 4) моральное уничтожение противника перед решающими сражением; 5) выявление отношений между влюбленными парами. Во всех случаях стороны "заботились" об объекте спора - давали оценку, бросали вызов, осуждали, советовали, учили. А дидактика и нравоучение в словесном искусстве всегда связаны с авторской индивидуальностью.

Слово "кубаир" в башкирской филологической науке известно в двух значениях - эпоса и изустного лирического поэтического произведения философского или дидактического содержания. В последнем значении он бытует и в фольклоре, и в изустной литературе, но создается преимущественно профессионалами. Значит, фольклорные кубаиры стали таковыми лишь из-за забытости имен авторов. Их тексты сохранили черты индивидуальности и по сути являются анонимными произведениями изустной литературы. Кубаир, как и айтыш, рождается перед публикой, собравшейся, как правило, по поводу важных событий. Не каждый мастер изустного слова осмеливается обратиться к данному жанру, даже если обладает способностью сочинить во всех его канонах, а лишь тот, кто имеет моральное право говорить от имени народа, давать оценку самым сложным

¹ Путешествие Абу Хамида-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153) / Публикация О.Г.Большакова и А.Л.Монгайта. -М.: Наука, 1971. -С.49.

явлениям времени, деятельности правителей. Тематический диапазон кубаиров несколько отличается от других жанров, он охватывает весьма широкий круг проблем человеческой жизни - от бессрочно вечных до безотлагательно повседневных. Но и вечное в кубаире преподносится как настоящее, выражающееся в призыве к верности обычаям, традициям, морально-этическим нормам предков. Р.Амиров видит в этом жанре яркие черты письменной публицистики, считает самым подходящим средством общения, рассчитанным на массовую аудиторию: "Стихотворная форма закрепляла актуальное содержание, облегчала ее передачу на расстояния и во времени"¹. Г.С.Кунафин отмечает содействие кубаира рождению жанра хитап в письменной литературе². Кубаир - любимый жанр народных масс, кодекс философского познания жизни.

Песня, древнейший популярный фольклорный жанр, в репертуаре изустной башкирской литературы появилась лишь во второй половине XVIII в. Башкирская народная песня всегда функционировала в единстве трех ее компонентов: слов, мелодии и истории создания (легенды). Они сохранились и в авторских песнях. Это означало, что сэсэн нового поколения стал выступать и в роли композитора, так как песенный жанр требовал соотношения содержания текста с мелодической формой и отличался от речетативного исполнения кубаира или айтыша разнообразием музыкальных мотивов. А легендарный компонент способствовал закреплению в памяти имени ее автора при распространении в массах: каждый новый исполнитель заранее непременно рассказывал, кем, когда и по какому поводу была сложена та или иная песня. Смена основных жанров изустной поэзии эпоса, айтыша и кубаира песней была обусловлена упомянутыми выше социально-историческими условиями. Потеряв массовую аудиторию, сэсэнны прибегли к ней как к менее оперативному, зато подходящему для распространения из уст в уста жанру. В песне затрагивались в основном те же проблемы изустной литературы, но

¹ Амиров Р.К. Летопись современности. - С.15-16.

² Кунафин Г.С. И песней, и сатирой. -Уфа: Китап, 1999. -С.23.

до основной массы слушателей доходили гораздо медленнее. Через авторскую изустность она проникла также и в письменную поэзию: "именно в изустной литературе, в творчестве йырау и сэсэнов сложились субъективные факторы формирования литературной песенной лирики и ее жанров"¹. В изустной среде этот жанр, несмотря на тенденцию к лиризации, из-за особой популярности в массах легко подвергается изменению. Песни сэсэнов второй половины XVIII-XIX вв. Байыка, Махмута, Салавата, Буранбая, Ишмухамета, Габита давно уже бытуют в фольклорном репертуаре. Вынужденный переход к песенному жанру приблизил постепенный конец профессиональной изустной литературы в башкирском словесном искусстве.

Баит преимущественно сочиняется письменным путем, а распространяется, как правило, изустно и, по дружному определению башкирских и татарских ученых, "рождается на точке пересечения фольклора и письменной литературы"², вбирает в себя многие их черты и поэтические традиции. В таком случае, казалось бы, его законное место должно быть в изустной литературе. Однако в творчестве йырау и сэсэнов XIV-XVIII вв. этот жанр вовсе отсутствует. Дело в том, что, во-первых, в его содержании преобладают вопросы частного характера; во-вторых, сочиняются они не профессионалами; в-третьих, сфера распространения баита ограничена, не достигает массового масштаба. К жанрам изустной литературы он имеет определенное касание лишь потому, что во второй половине XIX-XX вв. некоторые (и не именитые) сэсэны часть своих произведений называли "баитами".

Итак, факторы взаимосвязи изустной литературы с фольклором и письменной литературой, или, наоборот, критерии их самостоятельности в первую очередь обнаруживаются в авторской природе, объектах изображения, круге поднятых проблем (тематических направлениях), жанровой системе. В определенных исторических условиях профессиональная изустная литература

¹ Кунафин Г.С. И песней, и сатирой. - С.15.

² Урманчеев Ф. Голос народа: очерки из истории татарских народных баитов. -Казань: Тат.книжн. изд-во, 1974. - С.9 (на татарском яз.).

постепенно сливается с другими видами словесного искусства, но и за время своего полнокровного функционирования оказывает положительное влияние на развитие фольклора и письменной литературы. Башкирская изустная и письменная литература, фольклор, взаимно дополняя и обогащая друг друга, в течение ряда столетий существовали параллельно. Естественное расчленение изустной словесности на жанры началось еще в древности. Формирование системы жанров и жанровых форм протекало в зависимости от социально-исторических условий, процесса изменения вкусов, духовных потребностей аудитории. Ыйрау и сэсэнэ чаще всего обращались к айтышу, кубайру, эпосу, песне, отчасти - байту. При одноименности названий, жанры изустной литературы отличались от фольклорных осознанным авторством, творческой индивидуальностью, близостью объектов изображения к реальной действительности, устойчивостью текстов, преобладанием в них философии и дидактики.

Третья глава диссертации с пятью разделами называется "Башкирская изустная литература XIV-XVIII вв." и посвящена анализу творчества ййрау и сэсэнэ.

В первом разделе обосновывается устойчивость текстов изустной литературы в сравнении с фольклорными, обусловленная: 1) созданием преимущественно в поэтической форме; 2) направленностью средств изображения на легкость восприятия запоминания; 3) неустареющей устойчивостью содержания, отвечающего требованиям своего "сегодняшнего", и будущего, располагающего слушателей меткой образностью, глубиной и значительностью; 4) общепризнанностью имени автора, стремлением слушателя надолго сохранить в памяти и передавать потомкам сочинения уважаемого им мастера слова.

Далее в разделе речь идет о продолжительности бытования самой изустной литературы. Она в словесном искусстве разных народов неравномерна. Дело здесь не только во времени появления письменности или восприятию ее некоторыми народами в "готовом виде": в тех же тюркских народах, как убедились выше, изустная литература долгое время функционировала параллельно с фольклором и письменной литературой. Причину следует искать в

уровне общественной, социальной и культурной активности масс и мастеров изустного слова, порожденной объективными историческими условиями (напряженностью межродовых и международных отношений, частотой защитнических войн и завоевательных походов, восстаний и т.д.). В башкирской литературе этапы функционирования изустной совпадают даже с основными вехами становления и развития ее письменной формы и смены главенствующих жанров фольклора: 1) от древности до XIV в. - в эпоху баксы и неизвестных йырау и сэсэнов - в фольклоре "господствует" классический эпос, в письменной литературе - общетюркские памятники; 2) в XIV-XVI вв. (этап творчества йырау) в фольклоре на первый план выдвигаются кубаиры и за ними - галерея эпических и лирических жанров малой формы, в письменной литературе начинается процесс перехода к самостоятельности; 3) XVI-XVIII вв. (расцвет творчества сэсэнов) в фольклоре и письменной литературе активизируются все основные, характерные для тех времен жанры и жанровые формы; 4) в XIX - середине XX в. (постепенный переход к письменному запечатлению изустных сочинений) в фольклоре, как и в творчестве сэсэнов, первенство завоевывает песенный жанр, в письменной литературе к началу XIX в. завершается процесс формирования самобытной башкирской литературы.

Второй раздел главы посвящен творчеству йырау XIV-XVI вв. Хабрау, Асана Кайгы, Казтугана и Шалгииза, которое, как уже говорилось выше, является общим достоянием казахской, ногойской, каракалпакской, башкирской изустной литературы той эпохи. Самой крупной фигурой среди них, безусловно, был *Хабрау*. (В Казахстане и Средней Азии его называют по-разному: Сыпыра, Сыпра, Сапыра, Сапра, Сабра, Супра). Жизнь и творчество Хабрау приходится на XIV - первую половину XV вв.; судя по фольклорным источникам, он прожил более 100 лет. Во всех тюркских народах, где имело распространение его творчество (у казахов, каракалпачков, ногойцев, башкир), он ставится на первый ряд среди всех йырау эпохи. "Сургантай-улы Сыпыра жырау считается отцом всех ногойско-казахских акынов и жырау", - пишет

А.Дербисалин¹. Н.Давкараев и И.Сагитов отмечают наличие двух школ в каракалпакской изустной поэзии - Жиен Тагая и Сыпырайырау². Его образ вошел в общетюркское эпическое повествование "Идукай и Мурадым", в казахскую версию эпоса "Таргын и Кужак". По утверждению казахских, каракалпакских ученых, автором первого из них является сам Хабрау. У башкир в научном обороте известны два текста его кубаиров: "Обращение Хабрау к Уралу" и "Обращение Хабрау к мужчинам-джигитам". Оба они имеются в упомянутом эпосе. Между тем, в репертуаре башкирского фольклора самостоятельно бытуют и другие кубаиры с признаками индивидуальности, которые в "Идукай и Мурадым" являются монологами Хабрау, "лирическими отступлениями", непосредственно не связанными с эпическим содержанием произведения. Те же самостоятельные тексты у казахов и каракалпаков давно считаются авторскими, то есть изучаются как сочинения Хабрау. Они не только созвучны с названными башкирскими "фольклорными", но и представляют собой, по словам Г.Б.Хусаинова, "национальные версии" его тулгау и кубаиров³. Поэтому в диссертации некоторые из них впервые вводятся в научный оборот как импровизации Хабрау и далее анализируются 5 его кубаиров. Все они по содержанию независимы от сюжета эпоса и могут функционировать как самостоятельные произведения, но если рассмотреть в его контексте, то становятся гораздо содержательными и более понятными, что лишний раз подтверждает причастность Хабрау к "Идукай и Мурадым". Первая речь произносится в самом начале эпоса, еще до начала основных событий. Золотоордынский хан Туктамыш, не сумев покорить уральских джигитов, приказывает башкирам делегировать к нему

¹ Казахская поэзия XV-XVIII вв. -Алма-Ата: Гылым, 1982. -С.11 (на казах.яз.).

² Давкараев Н. Очерки по истории дореволюционной каракалпакской литературы. -Ташкент: Изд. АН УзССР, 1959. -С.25; Сагитов И. Героический эпос каракалпакского народа. -Нукус: Каракалпакстан, 1963. -С. 50 (на каракалп. яз.).

³ История башкирской литературы. В 6-ти томах. Т.1. -Уфа: Башк. кн. изд., 1990. -С.157 (на башк.яз.).

своих нескольких батыров, охотников и самого именитого певца. Речь Хабрау была произнесена, когда обессиленный от непрекращающихся войн народ в замешательстве обсуждал это повеление. Она прозвучала ответом на его колебание. В тексте ни словом не упоминается приказ хана, а подробно описывается природа Урала и воспевается его красота. В башкирском фольклорном репертуаре этот текст воспринимается как самостоятельная импровизация о родной земле, а в контексте сюжета эпоса те же слова йырау звучат по-иному: да, Урал - райский уголок; но если хану подашь руку, он уже не будет твой! Услышав слова знаменитого йырау, народ принимает верное решение - Идукай, "батыр среди батыров", остается на Урале с целью защитить его от врагов. Вторая речь (нумерация - по порядку расположения в эпосе) возникла в аналогичных условиях: когда страну будоражил другой указ хана о сборе ясака, молодой Идукай приходит к Хабрау за советом. Йырау, желая проверить сообразительность батыра, задает ему стихотворные загадки. Древнее качество батыров одновременно быть и мастером слова сохранилось, оказывается, и в натуре Идукая. Его диалог с Хабрау можно назвать айтышем. В нем дается характеристика людям разных профессий той эпохи (ремесленникам, металлистам, купцам, путешественникам, охотникам и др.) и их человеческому достоинству. Идукай верно угадывает главную мысль мудреца - в то смутное время самой главной была профессия воина, а от его личностных качеств зависела судьба страны. Третья речь может послужить эпиграфом или предисловием для всех остальных. Здесь автор подчеркивает свой почтенный возраст, житейский опыт и право говорить от имени народа. Йырау гордится, что за свою жизнь видел много знатных людей, что однажды его речь слушали одновременно одиннадцать правителей: "Он пир патша алдында, кобыз алып сөз сөйлөп, толғау айткан бабаңмын" ("Я дед твой, который с кобызом сказал толғау перед одиннадцатью падишахами")¹. Этим он как бы намекает, что люди остальных

¹ Мамбетов К. Пути формирования древней каракалпакской литературы. - Нукус: Каракалпакстан, 1976. -С.117 (на каракалп. яз.). Здесь и далее

рангов тем более должны его слушать. В четвертой и пятой речах (в тех, которые опубликованы в башкирской среде) Хабрау снова возвращается к воспеванию Урала. Их можно назвать тревожным гимном Уралу. Здесь есть и обращение, и философские размышления, и исторический экскурс, и дидактика. Эти два текста в эпосе находятся в разных местах - в середине и во второй половине, разделены между собой эпическими событиями; тем не менее, идейно дополняя друг друга, составляют как бы две части одного целого. Природа Урала описывается здесь новыми, еще более яркими красками; его прошлое сравнивается с настоящим. Автор беспокоится, что теперь поредели ряды батыров, которые раньше были надежным оплотом Урала, обращается к образам Урала и Хаубана из башкирских эпосов "Урал батыр" и "Акбузат", призывает джигитов быть верными заветам предков. В связи с этим затрагивается проблема взаимоотношения между поколениями батыров - отцов и сыновей. Непослушание сыном отцовских слов может повлиять на положение страны: "Батырзан батыр тыуғанда, батыр юлынан сапҡанда, атаға һазат кайраһа, илдең йөзө тарлана" ("Когда батыр, родившийся от батыра, точит стрелу на отца, лицо страны хмурится")¹. Эти слова Хабрау в контексте эпоса также становятся более понятными, чем в самостоятельных версиях. Оказывается, в условиях жесточайших сражений против ханских завоевателей возникает разлад между Идукаем и его сыном Мурадымом. Имея в виду этот частный случай, не упоминая имен батыров, йырау приходит к общему поэтическому заключению.

Современник Хабрау *Асан Кайгы* сын Саяшты-Сабита родился, по словам казахского ученого М.Магауина, в пределах 1361-1370 гг. в Поволжье². В различных источниках и исследованиях местами его проживания или пребывания называются довольно отдаленные друг от друга пункты: Актюба (современный Казахстан), долины Агидели (Башкортостан), Казань,

переводы текстов импровизаций на русский язык-подстрочные.

¹ Антология башкирской литературы. Т.1: XIII-XVIII вв. -Уфа: Китап, 1999. -С.225 (на башк.яз.).

² Поэты Казахстана. -Л.: Советский писатель, 1978. -С.70.

Сарай, каракалпакские земли. Вероятно, йырау, странствуя среди родственных тюркских народов, побывал во всех названных краях. Асан Кайгы с раннего детства метко стрелял, прекрасно играл на домбре, сочинял песни. В первой половине XV в. общался с ханами Олуг Мухаметом и Джанибеком. Из трех тематических направлений творчества Асана Кайгы (в казахском, каракалпакском, в башкирском изустном репертуаре сохранилось около двух десятков текстов) одно связано с именем Джанибека. Три обращения йырау адресованы этому хану. Они дают ясное представление о том, каким был (должен быть) мастер слова, живущий во дворце хана или любого другого правителя. Судя по содержанию обращений, Асан чувствовал себя свободным, независимым: "голос" его строг и суров. Секрет его прямоты и смелости кроется в том, что он за своей спиной чувствует силу народа, говорит от его имени. В речах йырау поднимаются как общие, так и конкретные вопросы правления обществом. Он критикует Джанибека за то, что тот не заботится о благе страны, думает только о себе ("Жабыгып жатқан халқың бар, елінде гөзлеп көрмейсең" - "Народ твой бедствует, страну свою не видишь")¹, стремится обогатиться за чужой счет ("Орынсыз келген салықтан ғәзейненді толтырдың алтын менен гумиске" - "Незаконными поборами наполнил ты свою сокровищницу золотом и серебром")². Асан Кайгы предупреждает, что если его слова не будут приняты во внимание, он готов с ханом распрощаться. Вторая и третья тематические направления - это дидактика и философия. В дидактической поэзии, как правило, раскрываются личностные качества автора: обратиться к народу с нравоучением гораздо труднее, чем к высокопоставленному лицу любого ранга - для этого надо быть внутренне уверенным и считать себя морально достойным. Дидактика Асана Кайгы поднимает вековые и повседневные морально-этические вопросы, связанные с взаимоотношением людей: не обманывать, по пустякам не спорить,

¹ Мамбетов К. Пути формирования древней каракалпакской литературы. - С.125 (на караалп. яз.).

² Там же, с. 125.

быть преданным к другу, держаться вместе и т.д. А философские импровизации в творчестве йырау занимают центральное место, определяют его главную сущность. Видный казахский ученый XIX в. Ч.Валиханов назвал Асана Кайгы "степным философом". Диапазон философских размышлений йырау широк, он оперирует такими высокими понятиями, как страна, народ, правитель, земля, жизнь общества, друг-враг, хорошее-плохое, добрый молодец, слава... Философия его дана в своеобразной композиции, напоминающей пирамиду. Основу ее представляют многоцветные, многоликие законы природы, неотразимо правдиво отображающие законы жизни. Все вышеперечисленные понятия "посажены" на эту основу; философия, основанная на сложной и мудрой взаимосвязи природы и жизни общества, становится еще более глубокой, многозначительней. Далее, в верхней части пирамиды - размышление о жизненном опыте человека (человечества), образованности. Автор не терпит "голую" образованность, бесполезный житейский опыт; мечтает, чтобы они непременно служили людям: "Ғылымның кандай пайдасы, білместі жолға салмаса!" ("Какая польза от образованного [человека], если он не выведет невежду на [верный] путь")¹. На самой вершине, на кончике фигуры - философия о значимости слова. Естественно, общепризнанный мастер слова высоко ценит содержательность, образность, многозначительность высказываемого. В целом, вся поэзия Асана Кайгы проникнута грустными, печальными нотками. Не зря, видимо, народ дал ему прозвище "Кайгы" - "Печальный". Следующее четверостишие из 8-строчного текста может служить характерным образцом всего его творческого настроения: "Суу түбинде жатқан тас, жел толқытса, шығады. Ой түбинде жатқан сөз, шер толқытса, шығады" ("Камень, лежащий на дне водоема, выйдет [на поверхность], если подует ветер. Слово, лежащее [на дне мыслей], выйдет, если волнует горе [грусть, печаль]")².

¹ Казахская поэзия XV-XVIII вв. - С. 70 (на казахск.яз.).

² Мамбетов К. Указ. изд. - С. 126 (на каракалп.яз.).

Асан Кайгы - потомок Майкы бия (1155-1227)¹, чье имя зафиксировано в ряде шежере табынских и айлинских башкир, а также в башкирском историко-литературном памятнике XVII в. "Чингизнаме"; в них говорится о том, что Майкы бий возглавил крупный союз башкирских племен и во главе их делегации ездил к Чингисхану². Вполне возможно, что и для его потомка башкирские земли были не чужды и иные импровизации йырау создавались здесь. Некоторые из башкирских фольклорных дидактических и философских кубаиров малого объема весьма созвучны с его сочинениями. В частности, один из таких текстов слово в слово передает дидактические строки Асана Кайгы: "Атанан алтау тыуһа ине, ата ла юлын жыуһа ине..." ("Родиться бы шестерым [сыновьям] отца, следовать бы им по стопам отца...")³.

Казтуган Суйениш-улы, родом из династии батыров, жил в XV в., сам также был батыром. Творческое наследие Казтугана небольшое, с начала XIX в. на казахском, каракалпакском, башкирском языках опубликованы всего лишь три текста импровизаций. Но ярко выраженное авторское самосознание йырау позволяет уловить в них три основных момента его творчества. В первом сочинении он говорит о своей личности, характеризует себя как поэта, воина и вождя. Можно даже уловить натуру человека, воплотившего в себя эти три качества. Перед нами предстает личность, не похожая ни на кого из своих современников: "Мусылман мен кәүірдің арасын отіп бузып дінді ашқан Суйініш - улы Казтуган!" ("Среди мусульман и среди неверных мне судьбой особый путь был дан, я - сын Суюнча, батыр Казтуган")⁴. Второй

¹ Казахская поэзия XV-XVII вв. - С. 16 (на казах. яз.).

² Башкирские шежере. - Уфа: Башк. кн. изд., 1960. - С. 156, 158, 163, 165, 212, 213, 215, 217, 218; Антология башкирской литературы. Т. 1: XIII-XVIII вв. - Уфа: Китап, 1999. - С. 255-274 (на башк. яз.).

³ Башкирское народное творчество: Эпос. Книга третья. - Уфа: Башк. кн. изд., 1981. - С. 171 (на башк. яз.). Для сравнения см.: Казахская поэзия XV-XVIII вв. - С. 69 (на казах. яз.).

⁴ Казахская поэзия XV-XVIII вв. - С. 71 (на казахск.яз.); Поэты Казахстана. - С. 66.

текст - о воинской доблести. Йырау словно выборочно характеризует воинские атрибуты: грозный меч, не устающий конь, храбрый джигит. Пожалуй, именно воин любит свою родную землю больше всех, проливает за нее кровь - в третьей импровизации Казтугана описывается природа родной земли - долины Идели (Агидели) теми же красками, что и Урал в кубаирах неизвестных башкирских сэсэнов. (У Казтугана: "Атабыз беззең Һөйөнөс кейәү булып барған йорт; әсәбе беззең Бозтуған киленсәк булып төшкән йорт" - "Земля, где стал женихом наш отец Суйеньш; земля, куда пришла невестой наша мать Бозтуған"¹. В башкирском кубаире: "Әсәм килен булған ер, атам кейәү булған ер" - "Земля, где моя мать стала невестой, земля, где мой отец стал женихом"²).

Шалгииз Теленши-улы родился в 1465 г. в знатной семье степных феодалов. Рано осиротев, воспитывался у деда, правителя Заяишской орды Мусы бия. К 80-м годам XV в. прославился как доблестный воин, непревзойденный йырау. В те же годы находился среди приближенных главы ногайской орды Тимер-бея. В составе его свиты или же участвуя в военных походах, побывал в Крыму, на Северном Кавказе, в долинах Дона. Умер около 1560 г. Поэтическое наследие Шалгииза - около 600 строк, публиковалось со второй половины XIX в., в начале XX в. переводилось на русский язык. В жанровом и тематическом плане его можно разделить на три группы. 1) Два обращения йырау к Тимер-бею. В первом из них даются био советы, во втором автор отговаривает правителя от поездки в дальние страны. В этих текстах Шалгииз, рисуя человеческие качества бия, "раскрывается" и сам. Бий, с одной стороны, своенравный упрямец, с другой - толковый хозяин, надежда всех жителей орды. Шалгииз и верный слуга, и гордый певец, не умеющий прощать унижения. 2) Перифразируя Ч.Валиханова: степная лирика. В ней словно слышны три звука трех струн музыкального инструмента: мелодия степной природы,

¹ Антология башкирской литературы. - Т.1. - С. 255-274 (на башк. яз.).

² Башкирское народное творчество: Эпос. Книга третья. - С. 156 (на башк. яз.).

грохот военных походов и задушевный голос самого автора. Последний проникнут философией о добре и зле, о родственных взаимоотношениях, о смелости, о богатстве языка, о жизни, судьбе, бренности мира, смерти и, наконец, о человеческом достоинстве, личностном самовыражении ("Алаштан байтак озбаса, арабыздан атты айлап минбен-ди!" - "Если кто в скачке обгонит меня, не буду седлать своего я коня...")¹. 3) Несколько обособленное от других своим объемом и содержанием произведение "Ир-Шобан". Здесь на фоне небольшого эпического сюжета передается поэтический диалог двух центральных персонажей. Батыр по имени Шобан и его десяток спутников угоняют скот некоего Бигазы из кабардинской (в другом варианте - калмыцкой) земли. Хозяин стада с группой помощников догоняет их. Когда главари двух сторон встречаются один на один и Бигази интересуется спутниками Ир-Шобана, тот поименно описывает каждого из именитых, известных и за пределами страны батыров. После этого, поняв бесполезность своей затеи, хозяин скота возвращается с пустыми руками. А Ир-Шобан, оказывается, назвал имена вовсе не тех, кто находились с ним рядом. Данное сочинение примечательно тем, что в нем автор прибегает к древним, присущим для всей мировой изустной литературы традициям, таким как восхваление героев, умение перехитрить и охаивать противника.

На территории Башкортостана имели распространение сочинения Шалгииза, включающие в себя все вышеназванные тематические направления. Некоторые из них в свое время фиксировались на бумаге. В 1976 г. в дер. Ар Чишминского района археографическая экспедиция Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР обнаружила тетрадь с рукописными стихотворными текстами Шалгииза на арабской графике; часть из них казахские исследователи использовали в книге "Казахская поэзия XV - XVIII вв."² В целом, во всем творчестве Шалгииза обнаруживается большая поэтическая созвучность с фольклоризованными башкирскими кубаирами и

¹ Поэты Казахстана. - С. 82.

² Казахская поэзия XV-XVIII вв. - С. 197-200 (на казах. яз.).

импровизациями сэсэнов последующих поколений. Скажем, его поэтическое “клише”, начинающееся словами “Ялп-Йолп иткән ябалак...” (“Сова, которая быстро машет крыльями...”) позднее перекочевало в текст кубaira героического содержания и в стихотворное воззвание Салавата “Присоединяясь к Пугачеву...”¹. Мотив приравнивания Шалгиизом пламенного слова йырау и сэсна к деяниям батыра находим также в поэзии Салавата. (Шалгииз: “Ғаділ төре ел бастар, *батыр* жігіт жау бастар, аға жігіт кол бастар, *шешен* адам сөз бастар” - “Справедливый начальник будет во главе страны, *батыр* джигит будет во главе сражения, старший джигит будет во главе войск, *сэсэн* будет иметь первое слово”. Салават: “*Батырмын*, тип кем әйтмәй, - яу килгәндә йүне юк; *сэсэнмен*, тип кем әйтмәй, - дау килгәндә өнө юк”. - “Кто не именует себя *батыром* - но если с него нет толку на поле битвы; кто не называет себя *сэсэном* - но если не слышно его голоса при несчастье”)².

Третий раздел главы - о сэснах XVI-XVIII вв. По известным вышеназванным причинам, наследие сэсэнов первого, классического этапа (XVI-XVIII вв.) дошло до нас в сравнительно меньшем объеме. Однако, порой ярко выраженная индивидуальность одной-двух импровизаций позволяет судить о всем творчестве автора. Один из таких - *Еренсе сэсэн*. Его имя известно среди ряда тюркских народов, творчество изучается башкирскими, казахскими, каракалпакскими учеными. А все же его образ оваян легендами больше, чем имя кого-либо из мастеров изустного слова. Даже в определении времени (!), в котором жил сэсэн, нет единого мнения. Казахские и каракалпакские исследователи Х.Суюншалиев, К.Омиралиев, Н.Давкараев, К.Максетов, К.Мамбетов называют от XI до XVII (!) столетий; башкирские филологи, историки, журналисты М.Бурангулов,

¹ Там же, с. 77; Башкирское народное творчество: Эпос. Книга третья. - С. 127 (на башк. яз.); Юлаев С. Стихотворения. - Уфа: Китап, 2000. - С. 67 (на башк. яз.).

² Казахская поэзия XV-XVIII вв. - С. 77 (на казах. яз.); Юлаев С. Стихотворения. - С. 67 (на башк. яз.).

Р.Шакур, Н.Мажитов, Р.Насыров речь ведут о пределах XIII-XVIII вв. Не известно и точное место его рождения. Но здесь все единодушно указывают разные уголки Башкортостана и непременно называют его сэсэн, а не иначе. Одна из причин таинственности натуры Еренсе кроется в нем самом. Принадлежность к бедняцкому слою, редкий дар острословия, тяга к жанру кулямас сделали его в народе "нарицательным" образом, как Ходжа Насретдин, Алдар и др. А ведь дату жизни Еренсе можно установить с точностью до полувека, если опираться на одну из двух его сохранившихся импровизаций. Имеется в виду обращение сэсэна к Абулхаиру (1693-1748), хану Малого казахского жуза по поводу его стремления захватить башкирские земли через переговоры с тарханом Акмамбетом. В тюркской истории известны два хана с таким именем; другой, узбекский, жил в XV в. (1412-1468). Сэсэн в своей речи напоминает казахскому и о нем, и о других ханах - Ибрагиме, Кусеме, Абылае, свидетельствуя о себе как о прекрасном знатоке истории родственных народов. Все мастера изустного слова, в репертуаре которых есть обращения к высокопоставленным лицам, бесспорно, были их современниками. (Вспомним обращение Хабрау к Туктамышу и Идукаю, Асана Кайгы - к Джанибеку, Шалгииза - к Тимер-бею, Кубагуша - к Бикбау бею, Байыка Айдара - к Салавату и др.). Выходит, Еренсе жил примерно во второй половине XVII - первой половине XVIII вв. Данное обращение также характеризует автора как большого знатока и хранителя традиций творчества йырау и вообще канонов изустной поэзии мирового уровня. Например, слово "күп" ("множество") в лексиконе йырау XIV-XVI вв. означает "народ". Мастерски используя его параллельно со словом "сүп" ("мусор", "ничтожество") в нескольких значениях, сэсэн уничтожающе критикует хана и заставляет его отказаться от своих намерений; таким образом пресекает кровопролитные стычки башкир со сторонниками хана из-за земли. Вторая, небольшая импровизация, связанная с именем Еренсе, представляет собой одну из вариаций общеизвестного "Смерть высокой горы..." и завершается словами:

"Жіреншенің ойланып осы болды айтканы" ("Об этом говорил, задумываясь, Еренсе")¹. Она есть не что иное, как "поэтическое клише", встречающееся в творчестве Хабрау, в башкирских кубаирах и казахских толгау. А "поэтические клише", "общие места" имели право использовать лишь именитые мастера изустного слова, каким и был Еренсе. Кулямасов же, связанных с его именем, очень много. Непревзойденный талант афористического мышления превратил самого сэсэна в героя кулямасов, легенд и даже сказок. Но это уже - объект исследования фольклористики.

Известен лишь один текст, связанный с именем сэсэнов XVI в. *Кубагуша* и *Акмурзы* - их айтыш, возникший в результате родовых междоусобиц. В башкирском литературоведении бытует устойчивое мнение, что Акмурза, будучи придворным сэсэном, защищал интересы феодальной верхушки. Однако внимательное, учитывая "эзоповский" язык спорящих, прочтение текста айтыша говорит о другом: оба они выступали на стороне народных масс, разоблачали действия ханов, направленных на притеснение местного населения. Самоуправства ногайского мурзы Каракилембета, назначенного казанским ханом хозяйничать на части территории Башкортостана², породили вражду между двумя башкирскими племенами. Во главе минского племени стоял военачальник, бий (!), сэсэн Кубагуш, усергенского - бий Бикбау. Правоту какой-либо из сторон они договариваются выяснить в большом йыйыне при помощи айтыша сэсэнов. Выступить против Кубагуша усергенцы выбирают лучшего мастера, "сэсэна среди сэсэнов" Акмурзу. По условиям договора, поражение одной из сторон должно было привести к гибели главы ее рода. Акмурза, прибегая к символическому лексикону, известному лишь среди сэсэнов и основных их слушателей, задает Кубагушу четыре загадки. Обычно, по традициям изустной поэзии, враждующие стороны стремятся позорить, охаивать, морально уничтожить друг друга. А

¹ Омиралиев К. Указ. соч. - С.109 (на казах.яз.).

² История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. -Уфа: Китап, 1996, - С.132.

здесь в первой загадке вопрос Акмурзы и ответ Кубагуша, взаимно дополняя, описывают создавшуюся ситуацию в стране: бий, гонимый за "пустой, легкой как пух, славой", отдал свою землю хану на растерзание, а народ возмущен, разъярен как лев. Во второй, третьей и четвертой загадках и ответах совместно дается, естественно, положительная характеристика стране, сэсэн и батыру. Причем, в каждой из трех (как в вопросе, так и в ответе) хан упоминается только в отрицательном качестве. Поэтический спор разрешается миром. Всеобщее признание Кубагуша народом как сэсна и вождя приводит к бегству Каракилимбета, а Бикбай подчиняется Кубагушу и впоследствии в роли посла принимает участие в переговорах с людьми "белого царя" о присоединении Башкортостана к Русскому государству. Кубагуш, вероятно, имел контакты и с казахскими акынами. В частности, акын по имени Бисянбай в одном из своих уленов упоминает о дружественном поэтическом состязании с Кубагушем и о своем позорном поражении от него.

У *Караса* (вторая половина XVII - первая половина XVIII вв.) сохранился айтыш с казахским батыром Акса. В нем, в противоположность диалогу Кубагуша и Акмурзы, запечатлен спор истинных противников. По легендам, Карас был храбрым воином, главой горно-лесных башкир; Кубагуш приходился ему прадедом по линии Кубагуш - Кунбагыш - Кушкильды - Карас. Ситуация его айтыша с Аксой напоминает "Ир-Шобан" Шалгииза. Получив известие, что группа казахов-барантачей угоняет табун лошадей, Карас со своими товарищами догоняет их. На месте встречи вступает в поэтический спор с их главарем, оказавшимся прославленным во всех казахских жузах батыром. Речь Караса состоит из трех частей, разбитых ответами противника. Все они поразительно схоже выдержаны в духе древних мировых изустных традиций: обращение к врагу с целью морального уничтожения; "разговор" с оружием - монолог-просьба о том, чтобы оно его не подвело в решающий момент; прославление достойно побежденного противника. Карас также прекрасно владел "современным" символическим лексиконом, получившим широкое распространение среди сэсэнов XVI-XVIII вв. В легенде "Карас и

Карасакал" имеет место его обращение к народу и к будущему предводителю башкирского восстания, высказанное в сильно "скрытном" стиле. Например, в той критической ситуации, когда народ на йыйыне обсуждал вопрос о предстоящем восстании и колебался, Карас в своей речи спросил у него: "А русский царь имеет ли бороду?"¹ Это означает, что восстание не назрело, как следует не подготовлено и обязательно потерпит поражение, так как у башкир бытует пословица "Илар бала атаһының һакалы менән уйнар", смысл которой сводится к тому, что ребенок, играющий бородой своего отца, обязательно заплачет. Вся речь сәсэна от начала до конца построена на подобного рода иносказаниях.

В многоликой когорте сәсэнов XVIII в. с дошедшими и недошедшими до наших дней голосами (Еренсе, Карас, Махмут, Конкас, Салават, Кильдыш, Еммет, Суюндук, Каракай) самой большой фигурой, своеобразным Хабрау своей эпохи, был *Байык Айдар* (1710-1814). Он был человеком отчаянным, смолоду покинул отчий дом, странствовал по Башкортостану, импровизировал. В одном из башкирских восстаний участвовал вместе с Юлаем - отцом Салавата. Потом, опасаясь преследований, ушел в казахские степи, где ему приходилось выступать в айтышах с акынами. Но там также был подвергнут преследованиям со стороны казахских биев и вернулся на Урал. За непревзойденное импровизаторское искусство народ прозвал его Айдаром - почетным званием, означающим знак высокого мастерства. Байык прожил более ста лет, основные исторические события в Башкортостане, начиная с середины XVIII в. вплоть до Отечественной войны 1812 г., произошли при активном участии или хотя бы косвенном воздействии этого непревзойденного мастера слова и общественного деятеля. Некоторые из них нашли отражение в его творчестве, дошедшем до нас в разных жанрах: в айтыше (с казахским акыном Бухаром), кубаирах (обращение к батыру Салавату и речь в связи с началом Отечественной войны 1812 г.),

¹ Бурангулов М. Завещание сәсэна. - Уфа: Китап, 1995. - С. 51 (на башк. яз.).

песнях. Оставлены его авторские следы также в жанре эпоса. Первые три импровизации позволяют проследить эволюцию идейно-художественной мысли в целом в творчестве сэсэна. В айтыше с Бухаром Байык отстаивает позицию духовной свободы личности. Казахский акын (1668-1791) преподносит башкирскому сэсэну в стихотворной форме загадку с условием ответить тотчас же, разумеется, в виде поэтической импровизации. По содержанию загадки в ответ должно было последовать хвалебное воспевание казахской земли и хана Среднего казахского жуза Аблая (? - 1781). Байык отгадывает загадку, но нарушает ее условие. Вместо того, чтобы восхвалять казахскую землю и ее хана, обрисовывает реальную действительность: "Ғыуһаған йотом һыу тапмас - дала тигәнәң шул икән; ...бер қазанға қуш антын һалып бергә кайнатқан - Абылай солтан хан икән" - "Это [та] степь, где жаждущий не найдет ни глотка воды; ...это [тот] султан хан Аблай, который свою двойную клятву кипятил в одном котле"¹. То есть, сэсэн дает понять, что для него чужая земля не может заменить родину и давать духовную пищу, а для певца, воспевающего алчного хана, не может быть истинной свободы. В обращении к Салавату речь идет о судьбе и будущей освободительной борьбе башкир. В ней поднимается ряд важных проблем: упоминается об историческом прошлом страны и славы его батыров; перед Салаватом ставится вдохновляющая на священную битву задача, а в приводимых ниже строках дается емкая социально-бытовая характеристика времени:

Ил тигәнсең кем юк, стране,	(Кого только нет в этой
Кеме юк та, ние юк:	Кого и чего только нет:
Карты ла бар был илден,	Есть и старик у этой страны
Йәше лә бар был илден;	Есть и добрый молодец у этой
страны,	
Туғы ла бар был илден;	Есть и сытый в этой стране,
Асы ла бар был илден;	Есть голодный в этой стране;
"Бир"зән бүтәнде белмәгән	Есть и бий у этой страны

¹ Там же, с. 67.

Бейе лә бар был илдең. Который не знает слов, кроме
"дай!"

Кешенең зарын ағызған Есть и песня в ней,
Йыры ла бар был илдең...¹ Которая облегчает горе...).

А в обращении к народу Байык призывает россиян к совместному выступлению против иноземных завоевателей. Башкирские аксакалы, получив известие о нападении Наполеона на Россию, собираются на йыйын. Озадаченные этим грозным событием, они не спешат высказываться, все ждут мнения появившегося невесть откуда сәсэна. Байык Айдар пламенной речью призвал всех подняться на борьбу против завоевателей. Он напоминает своим соотечественникам о присяге, данной их предками при присоединении к русскому государству совместно бороться против иноземных захватчиков. Удачно развивая смысл башкирской пословицы "Ике туған талашыр, атка менһә - ярашыр" ("Два брата могут посориться, но сев на коней, непременно помириятся")², связывает ее с братством башкирского и русского народов. В контексте речи эти слова приобретают огромное обобщающее значение, подчеркивают незначительность внутренних конфликтов в сравнении с важностью совместной борьбы против общего врага. Итак, единая проблема "цикла" из трех импровизаций возрастает по восходящей "личность" - "народ" - "народы страны". Как и Хабрау, Байык не был равнодушным к судьбам и общественно-политической деятельности крупных руководящих фигур своего времени - родовых вождей, предводителей восстаний, волостных старшин и др., знал их родословную, встречался с ними лично, давал советы. Например, судя по легендам, он как никто из сәсэнов XVIII в. усердно интересовался родом Салавата, часто общался с его отцом Юлаем, дедом Азналы, знал историю шайтан-кудейцев. И не удивительно, что в первом пласте двухпластового эпоса "Юлай и Салават" присутствует образ сәсэна, который в своих монологах -

¹ Там же, с. 68.

² Там же, с. 73.

"лирических отступлениях" - дает оценку происходящим событиям, обращается к Салавату с речью, текст которой частично совпадает с вышеуказанной импровизацией Байыка. Выходит, именно его можно считать причастным к созданию первой части данного эпоса. (А вторая часть прошла через "руки" его последователей Габига Аргынбаева и Мухаметшы Бурангулова).

Махмут сэсэн (XVIII в.) был учеником Байыка. С отцом, человеком богатым, приверженцем эксплуататорских слоев, он жил в разладе. Когда отец, избегая выдачи коней в пользу назревавшего восстания, угнал весь свой скот в казахские степи, будущий сэсэн отказался следовать за ним и, оставшись на родине, стал участником восстания. Импровизаторское наследие Махмута совсем небольшое - около 60 строк. Но в народной памяти он остался как человек меткий, остроумный, который "никогда не употреблял слова в своих прямых значениях, а говорил с умыслом, загадкой"¹. Это значит, что он владел профессиональным языком тюркских мастеров изустного слова XIV-XVIII вв. Упомянутая импровизация представляет собой две загадки с ответами самого же автора. Они обращены к гостям, приглашенным на грандиозный меджлис, который был организован в честь назначения отца сэсэна старшиной волости. Махмут разоблачает жестокость и алчность отца, называет его "бременем тяжелее свинца", повисшим над страной, "тьмой чернее ночи", "двуногой змеей", и причину своего разлада с ним объясняет социальными мотивами. По жанру данная импровизация относится к айтышу. Но среди множества гостей не нашлось человека, который вступил бы с ним в поэтическое единоборство. Причина была проста: они сохранили верность древнему башкирскому обычаю, согласно которому, гость не должен обидеть хозяина, а хозяин - гостя. Поэтому публика выжила сэсэну, видимо, лишь молчаливое согласие.

Махмут сэсэн вместе с Байык Айдаром были зачинателями также песенного жанра в профессиональной изустной поэзии, пережившего свой расцвет уже в XIX столетии.

¹ Там же, с. 60.

Далее в разделе, в связи с литературной интерпретацией в конце XVIII - начале XIX вв. фольклорных эпических памятников "Кузыйкурпес и Маянсылу", "Алдар и Зухра", упоминается имя предполагаемого автора их литературных версий Конкас сэсэна. Диссертант полемизирует с М.Г.Рахимкуловым, который в своих трудах утверждает, что Т.И. Беляев является не переводчиком, а автором изданного на русском языке в 1812 г. в г. Казани "Кузкурпаса"¹. Приводится ряд аргументов в пользу точки зрения, выражающейся в отрицании его версии (самое главное - в повести сам Беляев в нескольких местах охотно делится с читателем об особенностях процесса перевода данного произведения). Отстаивается мнение о том, что этот эпический памятник из уст сказителя первоначально был письменно интерпретирован башкирским сэсэном и лишь потом переведен на русский язык. Рассматриваются и другие проблемы, связанные с "Кузкурпасем" и "Алдаром и Зухрой", ныне являющиеся спорными. В частности, доказывається, что и тот, и другой памятник созданы одним и тем же автором; поддерживается ранее выдвинутая башкирскими учеными версия, что им может быть Конкас сэсэна, известный мастер слова, который жил в Предуралье на рубеже XVIII-XIX вв.

Салават Юлаев (1754-1800) родился в д. Текей Шайтан-Кудейской волости Уфимской провинции Оренбургской губернии. Образование получил, предположительно, в одном из крупных медресе Башкортостана, прекрасно владел письменным языком тюрки, знал русский язык. Сын старшины Шайтан-Кудейской и Кубовской волостей Юлая Азналина. В 1771-1772 годах, когда Юлай находился в военном походе против польских конфедератов, исполнял должность старшины Шайтан-Кудейской волости. Один из руководителей Крестьянского движения 1773-1775 гг., сподвижник Е.И.Пугачева.

Творчество Салавата Юлаева несколько отличается от поэтического наследия сэсэнов XVI-XVIII вв. Свои сочинения он создавал как письменно, так и в виде импровизаций.

¹ Рахимкулов М.Г. Встречи с Башкирией. - Уфа: Башк. кн. изд., 1982. - С. 161-189.

Соответственно, они бытовали и дошли до наших дней также двумя путями - в рукописных и изустных вариантах. Стихотворения, сложенные в письменной форме, переписывались и сохранились в рукописях. Во второй половине XIX в. часть таких записей обнаружил местный краевед Р.Г.Игнатьев. Отобрав семь текстов, он в подстрочном переводе на русский язык включил их в свой очерк о Салавате, подготовленный в 1875 г. и опубликованный после смерти автора¹. "Мы не решаемся передать их рифмованными стихами, чтобы не отступать от смысла подлинного, башкирского текста", - предупреждает Игнатьев, представляя произведения Салавата исследователям, и указывает: "Перевод сделан еще в 1868 г. покойным Г.Давлетчиным"². Пять стихотворений приведены в другой работе того же периода - в очерке писателя Ф.Д.Нефедова о Салавате³. Четыре из них совпадают с публикациями Игнатьева. Позднее упомянутые семь текстов, отобранные и изданные Игнатьевым, получили широкое распространение и печатались на башкирском, русском и других языках под названиями "Мой Урал", "Родная страна", "Битва", "Юноше-воину", "Мой кош" ("Соловей"), "Стрела", "Зюлейха".

Импровизации же Салавата собраны, текстологически обработаны и введены в научный оборот в 70-х годах XX в. и позднее включены в его поэтические сборники⁴. Они созданы в основных жанрах башкирской изустной литературы: кубаир

¹ Игнатьев Р.Г. Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. - 1893. - Т.ХІ, вып. 2. - С. 161-166.

² Там же, с. 161.

³ Нефедов Ф.Д. Движение среди башкир перед пугачевским бунтом; Салават, башкирский батыр // Русское богатство. - 1880. - № 10. - С. 83-108.

⁴ Салават Юлаев. Стихотворения. Песни. Документы /Составитель, автор предисловия и примечаний М.Х.Идельбаев. - Уфа: Китап, 1994. - С. 51-70 (на башк. яз.); Салават Юлаев. Стихотворения /Составитель Г.Галимова. - Уфа: Китап, 2000. - С. 53-122 (на башк. и русск. яз.); Салават Юлаев. Походные песни/ Составитель Б.Аманшин. - Алма-Ата: Жазушы, 1983. - С. 18-38 (на казах. яз.).

“Присоединяясь к Пугачеву”, айтыш с любимой девушкой Зюлейхой (в сборниках ответы Зюлейхи опущены), песни “Агидель течет, разбивая скалы...”, “Летающий на небе дербник...”, “Иду-бреду по дороге...”, “Юрюзань, ты моя родная река”, песни-четверостишия.

В поэзии Салавата довольно четко прослеживается процесс созревания его художественного мышления, по которому можно определить последовательность создания тех или иных произведений, хронологию идейной эволюции автора. Впервые к поэзии приводят его любовные чувства. В стихотворениях “Зюлейха”, “Иду-бреду по дороге...”, в айтыше с Зюлейхой наблюдается много общего с любовной лирикой рукописной поэзии эпохи. Но Салават, в отличие от нее, не ограничился голым описанием внешней красоты девушки, а выразил глубокое гуманное отношение к женщине через изображение реальных, земных чувств, переживаний молодого человека. Далее вырисовывается его пейзажная лирика (“Мой Урал”, “Родная страна”, “Мой кош”, “Стрела”, “Агидель течет, разбивая скалы...”), где заметно возрастают гражданские нотки; восхищение родной природой становится средством выражения любви к родине, воспевания свободы духа. Главное место в творчестве поэта-воина занимает героическая лирика (“Битва”, “Юноше-воину”, “Летающий на небе дербник”, “Юрюзань, ты моя родная река”, “Присоединяясь к Пугачеву...” и др.). Поэзия Салавата периода крестьянской войны подчинена героике борьбы, его пламенное поэтическое слово служит для пропаганды идей восстания. А песни-четверостишия, судя по их содержаниям, относятся к последнему периоду его творчества: в них раскрываются мысли и переживания поэта, возникшие в последние дни восстания и после его поражения. На первый взгляд кажется, что в четверостишиях отразились сугубо личные чувства поэта - грустные воспоминания, раздумья о допущенных ошибках. Но в целом они глубоко оптимистичны, тематика и поднятые проблемы предстают в еще более укрупненном виде и как бы обобщают все мотивы его творчества. Более зрелым становится идейно-художественное мышление автора. Поэт серьезно беспокоится за судьбу страны и

народа, за их будущее. Ярче выражены здесь социальные мотивы, ненависть к врагам, уверенность в правоте своего дела, намеки на необходимость дальнейшего продолжения борьбы: “Не плачьте, не горюйте, что меня уводят, народятся еще славные батыры”¹.

Поэтические традиции, на которые опирался Салават, восходят к древним и средневековым фольклорным, изустным и письменным литературным памятникам тюркских народов. Его размышления о природе героизма, начинающиеся словами “Батырмын, тип кем әйтмәй...” (“Кто не именует себя батыром...”), перекликаются со строками из эпоса “Урал батыр”: “Всякий, кто имя батыра носит, может ли молча на это (на злодеяния смерти - М.И.) смотреть”². Очень созвучны отдельные мысли и выражения Салавата со словами легендарного Коркута (Салават: “Там, где ястреб не летает, на заре пробьется сокол”; “Высоко летает в небе ворон, еще выше сокол ввысь взмывает”³. У Коркута: 1) “Орел, султан всех птиц - летит он близко к всемогущему великому богу...”; 2) “Были бы здоровы беки-герои, у них родится сын”⁴). В его стихотворениях упоминаются также имена героев средневековых тюркских агиографических сочинений: “Было время, время храбрых, божьих век богатырей; были Гали, Абуталип, Сами и Няриман...”⁵

В четвертом разделе речь ведется о творчестве сэзэнов XIX-XX вв. В деятельности сэзэнов-профессионалов XIX в., отлученных от массовой публики, общественно-политическая активность вынужденно идет на убыль, зато появляются другие виды творческой активности: они усердно занимаются сбором, сохранением и доведением до следующих поколений богатейшего фонда всей изустной словесности - как фольклора, так и импровизаций своих коллег-предшественников. Вследствие

¹ Салават Юлаев. Стихотворения. - С. 108.

² Башкирское народное творчество. Т. 3: Эпос. /Составитель М.М.Сагитов. - Уфа: Башк. кн. изд., 1987. - С. 57.

³ Салават Юлаев. Стихотворения. - С. 41.

⁴ Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос / Перевод В.В.Бартольда. - М.-Л.: Изд. АН СССР, 1962. - С. 68, 56.

⁵ Игнатьев Р.Г. - Башкир Салават Юлаев... - С. 163.

социально-исторической обстановки в стране, о которой говорилось выше, из репертуара сэсэнов данной эпохи постепенно отпали жанры айтыш и кубайр, связанные с выступлением непосредственно перед аудиторией, исчезло эпическое сказание; на первую позицию вышла песня. Она переняла основные идейно-художественные свойства исчезнувших жанров: социально-общественную значимость, агитационную направленность, отражение параллелизма явлений природы и человеческого общества. Правда, пламенный публицистический пафос исполнения заменялся внутренним лиризмом, постоянно сложившийся речетативный мотив - разнообразной, неповторимой, в зависимости от содержания текста, мелодией. Песня сэсна XIX в. больше рассчитана на исполнение не только автором, но и слушателями, т.е. на распространение из уст в уста, поэтому была избавлена от символьного лексикона и "скрытного" подтекста. Из-за массовости и упрощенности содержания и формообразующих средств она быстро фольклоризуется, что и случилось с песенным репертуаром именитых сэсэнов XIX в.

Непревзойденным мастером песенного жанра новой изустной поэзии был *Буранбай-Яркей* сэсэн (Буранбай Котдосов). Он родился ориентировочно в начале последней четверти XVIII в., участвовал в Отечественной войне 1812 г. Прекрасно образованный человек своего времени, владеющий тюркской и русской грамотами, в 1815 г. назначается юртовым старшиной. Однако в 1820 г. по ложному обвинению его лишают звания и должности и приговаривают к каторге. С этапа ему удастся сбежать, два года он странствует по башкирским и казахским землям. В 1822 г., по пути в Оренбург с намерением явиться с повинной к губернатору, Буранбай был схвачен и сослан в Сибирь. Дальнейшая судьба сэсна неизвестна. Вероятнее всего, он опять сбежал, скитался по обширной территории между Уралом и Волгой, сочинял песни, преследовался. Дата смерти не установлена. Известно, что в 1868 г., когда умер его друг Кагарман кантон, он был еще жив. Буранбаю приписываются песни "Буранбай", "Ялан-Яркей", "Тафтиляу" ("Тевкелеев"), "Сырдарья", "Хажигали", "Иркутск", "Салимакай", "Шагибарак", "Кагарман кантон", "Ак яурын сал беркут" ("Седой

беркут - белые плечи"), которые, судя по их же легендам и содержанию, сочинены на каторге и после побега. Скрываясь от "правосудия" властей, сэсэн находился под различными именами: Ялан-Яркей, Хажигали, Шагибарак. Его песня "Буранбай", впервые записанная в конце XIX в. С.Г.Рыбаковым¹, вошел в золотой фонд песенной классики башкир; впоследствии им, кроме местных исследователей, интересовались писатель А.Роом, музыковеды И.В.Салтыков, Л.Н.Лебединский, А.С.Ключарев и др. А "Тафтиляу" привлек внимание Л.Фон-Бергхольда². Тематический круг песен Буранбая подтверждает его верность жизненным целям и творческому направлению сэсэнов-предшественников. Человек, надолго отлученный от родины, казалось бы, должен был петь чаще о своей сломленной судьбе. Нет, его больше волновали историческое прошлое страны ("Тафтиляу"), "современные" крупные события ("Сырдарья"), нужды и чаяния обездоленных; затрагивал он, безусловно, и отдельные факты из своей биографии, а также любовную тематику. В "Тафтиляу" отразились трагические события XVIII в., в песне проклинаются деяния А.В.Тевкелева, принимавшего участие в подавлении башкирского восстания 1736-1738 гг., в сожжении десятков деревень с мирными жителями: "Каяларға сокоп яззым карғыш, ейәндәрем укуыр бер заман"³ ("Высек я надписи проклятий на скале, пусть внуки прочтут когда-то") - поется в ней. "Сырдарья" посвящена военному походу 1839 г. Оренбургского губернатора В.А.Перовского в Акмечеть (Кызыл Орду), основную часть войск которого составляли башкиры: "Бары безең генә башкорттар шул - күз терәгән әрме кәстәре" ("Вся опора [надежда] армейских сил - это все наши башкиры")⁴. В песне "Кагарман кантон" высмеиваются переживания бывшего кантонного начальника, не захотевшего расстаться со своим

¹ Рыбаков С.Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. - Спб., 1897. - С. 116, 165-166.

² Фон-Бергхольд Л. Горные башкиры-кайышы // Этнографическое обозрение. - 1893. - № 3. - С. 84.

³ Башкирское народное творчество: Песни. Книга первая. - Уфа: Башк. кн. изд., 1974. - С. 57.

⁴ Там же, с. 142.

мундиром после отмены в 1865 г. кантонной системы правления в Башкортостане. Социально-бытовая обстановка эпохи, положение трудового населения, участь бунтарей-беглецов дается в тесном переплетении с личными переживаниями в песнях "Ялан-Яркей", "Шагибарак", "Хажигали", "Иркутск". А "Салимакай" можно назвать гимном поистине божественной красоте девушки.

Сохранился также рукописный текст баита, связанный с именем Буранбая. Его содержание перекликается с теми строками из песен, где поется о собственной судьбе. "Баит Буранбая" можно считать первым сочинением данного жанра, появившимся в творчестве сэсэнов. Необходимо еще отметить, что с Буранбая Котдосова начинается сбор, сохранение и передача следующим поколениям репертуара мастеров изустного слова XVI-XVIII вв.

Лично знал Буранбая его современник *Ишмухамет сэсэн* Мурзакаев (Балапанов) (1781-1878), с именем которого связывают возникновение песен "Санлы-узяк", "Аюка", "Ямгырсы", "Туман", "Малбай", "Нуркай", "Юлтый-беглец", "Бузыкай кантон" и их легенд. Родом он из состоятельных, грамотных слоев населения. Его отец Балапан Матисов был старшиной; по данным ревизии 1834 г., сам Ишмухамет также находился в должности юртовского старшины, имел звание зауряд-хорунжего. Во время военного похода России на Хиву в 1839-1840 гг. выпензенный генерал-губернатор Перовский прославленного импровизатора-певца и кураиста Ишмухамета постоянно держал при себе, за исполнительское мастерство и личную храбрость в сражениях наградил его золотой саблей. Основная проблематика песен Ишмухамета целиком созвучна репертуару Буранбая-Яркея. Не повторяясь, отметим лишь незначительные отличительные моменты. Вместо "бунтарского" настроения у Ишмухамета на первый план выступают спокойные философские раздумья о жизни; воспевая красоту родного края, ассоциируя детали явлений природы с действительностью, он задумывается о человеческих отношениях, о пройденном жизненном пути и его смысле ("Аюка", "Санлы Узяк"). Сэсэн был равнодушен ко всему духовному богатству прошлого - как изустному, так и письменному. Известно, что он собирал и хранил при себе исторические документы,

шежере, деловые бумаги кантонного правления и даже луки и стрелы батыров минувших времен. Он тесно общался с другими сэсэнами эпохи: мелодию "Байык" ему доводилось слушать в исполнении самого автора, с Буранбаем Котдосовым находился в тесном контакте в течение семи лет, с Гадибак-Насыром вместе участвовал в Хивинском походе, а для Габита был непосредственным наставником.

Габит сэсэн Аргынбаев (1856-1921), знаменитый певец и кураист, больше прославился как исполнитель эпосов, кубаиров, песен. В 1912 г. в г.Оренбурге и д.Якшимбет Орского уезда на состязаниях дважды занимал первые места. В 1920 г. на конкурсе кураистов-сказителей, устроенном башкирским правительством в г.Стерлитамаке, также стал победителем. В 1907-1920 гг. М.Бурангулов записал у него эпосы "Урал батыр", "Идель и Яик", "Акбузат", "Кусяк бий", "Тамъян", "Батырша", "Юлай и Салават", множество кубаиров, песен, легенд и преданий. По воспоминаниям последнего, сэсэн исполнял тексты очень возбужденно, "местами смеясь, местами плача", перевоплощаясь, чувствуя себя среди героев памятников. Огромные произведения из нескольких тысяч строк Габит рассказывал наизусть; если по каким-то причинам приходилось прерываться, он непременно начинал заново. Когда М.Бурангулов в 1910 г. впервые записал у него эпос "Урал батыр", осознавая факт обнаружения шедевра мирового значения, от радости подарил ему своего коня¹. В последние годы обнаружилось несколько стихотворных текстов, принадлежащих авторству Габит-сэсэна: "Курай", "Солдат", "Сакмар", "Моя борода", "Приключения охотника" ("Упитанный заяц") и др.². Они свидетельствуют о том, что автор прекрасно владел техникой стихосложения, однако поэтическим творчеством серьезно не увлекался, не обращался к существенным проблемам, а сочинял, похоже, ради забавы.

¹ Багуманов А. "Урал-батыр" и сэсэны-батыры //Башкортостан. -2000. -11 февраля (на башк.яз.).

² Сулейманов А., Мамлиева Г. Мы в большом долгу перед историей // Шонкар. -2000. -№3. -С.69-71 (на башк.яз.).

В XIX в. изустных певцов разного уровня было много; имена некоторых из них (преимущественно беглецов) запечатлены в названиях ими же сочиненных песен, сохранившихся ныне в фольклорном репертуаре ("Бахтияр", "Байш батыр", "Шарафетдин", "Юрка-Юнус", "Гадибак Насыр", "Загидулла", "Гумеров", "Сайтхужа", "Салый", "Юсуп-егет", "Сираев", "Тимерьян", "Узянбай", "Шафик" и др.). Мы же вели речь о троих из них, самых почтенных, признанных народом профессионалах. Они втроем в разных аспектах раскрывают облик мастера изустного слова своей эпохи и истинного сэзэна вообще: народный заступник с бунтарским характером; наставник и любимец военачальников; знаток истории народа, шежере родов и племен; импровизатор, певец и кураист; хранитель репертуара и непревзойденный исполнитель.

В XX в. массовый рост грамотности населения постепенно приводил к переходу изустных сочинителей к письменному изложению своих сочинений. С конца XIX в. наблюдается небывало тесный контакт изустной и письменной литератур. Представители первой старались как можно быстрее опубликовать первоначально возникшие в виде импровизаций тексты; а "письменники", наоборот, стремились импровизировать перед публикой (М. Уметбаев, М. Акмулла, Ш. Аминев-Тамьяни, Ш. Бабиц и др.); но в конечном результате сочинения и тех, и других появлялись на страницах печати. Песня в репертуаре изустных авторов отошла на второй план; то, что ими импровизировалось и потом публиковалось, они сами чаще называли байтом или, как в письменной литературе, просто стихотворением. Сэзэнов XX в. по характеру деятельности можно делить на три группы: 1) хранители и исполнители знаменательных эпосов "Акбузат", "Кузый Курпес и Маянсылу", "Аксак кола", "Куныр буга", "Кара юрга" и множества других фольклорных памятников Гатиятулла Биккужин, Гатаулла Агишев, Рахилия Телякаева, Хасан Бурангулов и др.; 2) Сабирьян Мухаметкулов и Валиулла Кулумбетов, известные импровизаторы, которые занимались и собирательской деятельностью; 3) сочинители; но среди них мастеров изустного слова

профессионального уровня было мало. Упомянем только тех, кому было присвоено звание "Народный сэсэн Башкирии".

Фаррах Давлетшин (1867-1956), рано осиротев, с детства пас скот зажиточных односельчан, затем работал на уральских заводах. В 1916 г. во время взрыва на бумажной фабрике ослеп. Вернувшись в родные края, стал сочинять байты, стихи, песни. Выпустил книги "Сказы слепого Фарраха" (1928), "Песни и байты" (1939), "Советы сэсэна" (1949). Фаррах Давлетшин воспекает в них передовиков советской индустриализации, труд нефтяников, подвиги воздухоплавателей, достижения сельских тружеников; автор призывает соотечественников трудиться еще лучше, разоблачает "врагов народа", "поджигателей войны", знает, "какие планы у капиталистов и буржуев"¹.

Саит Исмагилов (1888-1970) в юности батрачил у баев, работал на железнодорожных предприятиях. Импровизации исполнял, сопровождая на скрипке. С 30-х г. свои сочинения стал фиксировать на бумаге. Опубликованы книги "Песни и стихи" (1939), "Песни Саита" (1944), "Слово сэсэна" (1950), "Избранные сочинения" (1958), "Песни сэсэна" (1964). Стихи в основном посвящены Коммунистической партии, Ленину, Сталину, Октябрьской революции, колхозной деревне. В стихотворных сказках "Путешествие Нужа-бая", "Новое путешествие Нужи", "О Коробае, сыне Нужи", "Слово о девушке-счастье" противопоставляются тяжелое дореволюционное прошлое и счастливое советское время. Некоторые стихи и басни адресованы детям. Поэтическое произведение "Салават батыр", написанное на основе общеизвестных сведений, названо кубаиром. Среди опубликованных сочинений Саита Исмагилова есть и айтыш, датированный 1939 годом, где в диалоге с Фаррахом Давлетшиным они воспевают молодую советскую страну, "золотом написанную и серебром вышитую" сталинскую Конституцию, "шестнадцать

¹ Башкирское народное творчество. Т. III /Составитель, редактор, автор предисловия и комментариев Кирей Мерген. - Уфа: Башк. кн. изд., 1955. - С. 227-228 (на башк. яз.).

храбрых, красивых джигитов, идущих по длинной дороге" - 16 Союзных республик страны¹.

Обособленно от названных трех групп изустных творцов стоит поэт, драматург, фольклорист, Народный сэсэн Башкирии *Мухаметша Бурангулов* (1888-1966). Он прожил, подобно сэсэнам XIX в. с бунтарским характером, трудную, но творчески плодотворную жизнь. У него с детства была сильная тяга к знаниям, этому стремлению не помешало и раннее сиротство: в 1901 г. окончил русскую земскую школу, в 1907 г. - знаменитое Каргалинское медресе, позднее получил образование в Башкирском государственном педагогическом институте. В годы октябрьской революции и гражданской войны становится активным сторонником борьбы за автономию Башкортостана. В 20-30-х гг. учительствовал в сельских школах, средних специальных учебных заведениях. В 1938-1940 гг. работал научным сотрудником в Институте истории, языка и литературы. В 1940 г. был принят в члены Союза писателей СССР, вскоре ему присваивается звание "Народный сэсэн Башкирии". Однако с середины 40-х годов Мухаметша Бурангулов незаслуженно обвинялся в буржуазном национализме и безвинно преследовался. Всего за годы советской власти его арестовывают пять раз (1918, 1920, 1929, 1937, 1950). В последний раз он был лишен всех званий и наград, осужден на 10 лет и сослан в Сибирь, где находился до 1956 года. Лишь в 1959 г., после вмешательства Н.С.Хрущева, с него снимаются все обвинения и восстанавливается лишенное почетное звание.

Записыванием изустных памятников Бурангулов начал заниматься рано, в годы учебы в медресе. За свою жизнь он объездил весь Башкортостан, соседние области, записал почти весь основной репертуар башкирских эпосов, импровизации сэсэнов XVI-XIX вв., великое множество текстов большинства фольклорных жанров, которые ныне составляют подавляющую часть 18-томного издания башкирского народного творчества. В годы работы в Институте истории, языка и литературы сам занимался их изучением, текстологической обработкой,

¹ Там же, с. 217-220.

переложением на новую (русскую) графику, опубликованием. Именно в те годы в периодической печати впервые появляются эпосы "Акбузат", "Идукай и Мурадым", "Юлай и Салават", готовятся сборники "Башкирские исторические песни", "Башкирские свадебные обряды", монографическое исследование "Башкирская народная поэзия". В 1943 г. выходит в свет книга "Эпосы о батырах".

В качестве сэсэна-импровизатора Мухаметша Бурангулов в своем объемном эпическом сказании "Отечественная война", творчески используя тексты и легенды песен "Вторая армия", "Кахым туря", обратился к историческим событиям 1812 г. В процессе подготовки к печати эпосов "Юлай и Салават", "Карасакал" подверг их редакционной обработке, внес добавления и изменения; другими словами, выступил соавтором этих памятников, на что он как сэсэни имел полное право.

Мухаметша Бурангулов получил большое признание как драматург, пробовал перо также и в области прозы, писал рассказы, известна его повесть "Салима". Основу его драматических сочинений составляли сюжеты легенд и преданий, эпических песен с социально-бытовыми мотивами, что придавало сценическим произведениям автора фольклорно-этнографический характер. В 20-30-х гг. его драмы "Ашкадар", "Буранбай", "Башкирская свадьба", "Идукай и Мурадым" и др. составляли часть репертуара республиканских театров.

Таким образом, сэсэны XX в. свои сочинения чаще доводили до читателей через печать, стремились осваивать жанры письменной литературы, такие как стихотворение, басня, рассказ, повесть, драма. Наличие среди их произведений кубайра, айтыша, эпоса (кубайр "Салават батыр" Саита Исмагилова, айтыш Фарраха Давлетшина с Саитом Исмагиловым, эпосы "Юлай и Салават", "Карасакал" в соавторстве Мухаметши Бурангулова) вовсе не означало попытки возврата к жанрам изустной поэзии XVI-XVIII вв.: во-первых, они обращались к данным жанрам исключительно редко, почти случайно; во-вторых, эти тексты были по сути весьма далеки от природы одноименных жанров изустной поэзии.

В пятом разделе главы рассматриваются некоторые общие теоретические вопросы, касающиеся башкирской изустной литературы. Из многообразия жанров и жанровых форм тюркской изустной поэзии йырау и сэсэны XIV-XX вв. прибегали только к тем, которые имели распространение в башкирской среде: к эпосу, айтышу, кубаиру, песне. Как отмечалось выше, айтыш и кубаир рождались исконно в недрах изустной литературы. Эпос, "помеченный" следами авторства, от фольклорных текстов того же жанра отличался тем, что в нем события происходят в конкретизированном временном пространстве, они злободневны к моменту создания произведения, главные герои являются историческими лицами и современниками автора, имеющего отношение к данному эпосу. Песня, древнейший фольклорный жанр, вошел в репертуар башкирских сэсэнов во второй половине XVIII в. как наиболее подходящее средство доведения их слов до "постороннего" слушателя в условиях исчезновения привычных прямых контактов с аудиторией. Стихотворная речь йырау и сэсэнов во всех жанрах основана на силлабике с простым, понятным и доходчивым строением предложения. В изустной сфере эта система наблюдалась еще с времен обрядовой поэзии. Поэтический размер импровизации также древен и устойчив; в эпосе, айтыше и кубаире он составляет 11-11- и 7-7-сложные строки, а в песне - 10-9 и 8-7. Изустные авторы не гонялись за разнообразием стихотворной формы, а заботились о доходчивости содержания и легкости текста для заучивания наизусть. При наличии многовариантных рифмовок в письменной поэзии, приверженность йырау и сэсэнов чаще всего к монориму объясняются теми же причинами. Легкости восприятия текста содействовали также яркие средства изображения (рефрен, анафора, эпифора, эпанастрофа, градация, антитеза, оксиморон и другие стилистические фигуры) и четкое композиционное строение импровизаций. "Общие места", "стилистические" или "поэтические клише", например, применялись издревле как в фольклоре (начиная с архаических эпосов), так и в изустной литературе (вплоть до начала XX в.). Одним из самых распространенных средств одновременного достижения единства формы и содержания,

простоты и величия поэтической мысли у йырау и сэсэнов служил параллелизм. Речь идет не об обычном "хрестоматийном" средстве изображения. Сложный по значению и сути параллелизм законов природы и человеческой действительности приобретает в устах йырау и сэсэнов глубокое философское содержание, служит образованию "скрытной" речи, традиционно замысловатого, символьного лексикона профессионалов. Языково-стилевая пластика импровизаций йырау и сэсэнов рассчитана на различные категории слушателей. Адресованные широким слоям народных масс тексты по синтаксическому строю, ритмике, созвучию слов, ряду изобразительных средств рассчитаны на доходчивость и простоту восприятия; обращения к высокопоставленным лицам имеют другую степень сложности; а поэтические споры между собой построены на причудливо-хитроумную речь с затаенным смыслом. Но в любом случае изустные авторы не отвлекались от конкретного реального объекта воспроизведения.

Итак, по материалам главы можно сделать вывод, что творчество йырау и сэсэнов XIV-XVIII вв. было на уровне общечеловеческих достижений изустной литературы как по содержанию, так и по различным формам его воспроизведения. В то же время ему в целом были присущи отчетливые местные особенности, а каждому автору - неповторимые черты индивидуальности.

В заключении проведены основные итоги исследования.

Таким образом, данная работа посвящена малоизученной области башкирского литературоведения. Исходя из изложенного, где башкирская изустная литература рассматривается на фоне мировой и тюркской изустности, можно сделать следующие основные выводы:

- изустная литература - часть словесного искусства, она сочиняется и распространяется устным путем профессиональными мастерами с высокоразвитым авторским самосознанием. Ее роль и место в духовной жизни общества связаны с социально-историческими и общественно-политическими условиями и в различных историко-географических регионах могут быть разными, неповторимыми. В то же время издревле формировались ее общие

закономерности и единые традиции развития. Они выражаются в идентичности условий возникновения, общности объектов изображения, типологическом сходстве тематических направлений, совпадении основных жанров данного вида литературы, а также в однородности типов ее создателей, круге их творческой и общественно-политической деятельности, степени социально-общественной активности;

- тексты изустной литературы подвергаются изменению гораздо медленнее, чем фольклорные произведения. Их устойчивость обеспечивается обращением авторов преимущественно к поэтической речи; простотой формообразующих средств, рассчитанной на легкость восприятия, запоминания и рассказывания наизусть; привлекающей внимание слушателей злободневностью и неустаревающей актуальностью содержания; непререкаемым авторитетом сочинителя. Бытование изустной литературы не зависит от присутствия письменной словесности, оно связано с наличием своей аудитории с ее духовными потребностями;

- как показывает впервые проведенный обстоятельный анализ уцелевших сочинений йырау и сэсэнов, развитие башкирской изустной литературы шло в тесной взаимосвязи с фольклором и письменной литературой в русле закономерностей и традиций мировой изустности. Она в составе тюркской литературы представляла собой мощное течение, внесла значительный вклад в духовную сокровищницу народа. Йырау и сэсэны своим творчеством принимали участие в образовании синтеза словесной культуры - фольклора, изустной и письменной литературы, в известной степени формировали фундамент для полного перехода в письменную литературу;

- в работе осуществлен первый опыт периодизации башкирской изустной литературы. По времени бытования она делится на этапы баксы, йырау и сэсэнов, а творчество последних в свою очередь охватывает три периода: XVI-XVIII в.; XIX - начало XX вв.; с начала до середины XX в.;

- основная тематическая направленность импровизаций йырау и сэсэнов была адекватна мировой и общетюркской: это 1)

воспевание ратного героизма, воинов-победителей, военачальников, вождей, предводителей родов и племен; 2) диалог с боевым противником; 3) защита родины от захватчиков; 4) обращение к правителям различных рангов с дельными советами; 5) широкий круг проблем повседневной жизни масс;

- жанры башкирской изустной поэзии - эпос, айттып, кубаир, песня и бант - по названиям совпадают с аналогичными фольклорными, но отличаются от них авторской осознанностью, выраженностью творческой индивидуальности, близостью объектов изображения к реальной действительности, преобладанием философских и дидактических мотивов, устойчивостью текстов.

Научные результаты настоящей работы дают возможность башкирским литературоведам яснее определить ориентиры дальнейшего продолжения исследуемой темы, поставить новые задачи на будущее. В частности, поиск и обнаружение новых текстов импровизаций йырау и сэсэнов позволило бы, опираясь на достигнутое, более уверенно вести речь о жанровых формах изустной литературы XIV-XX вв., о творческих принципах изустных авторов.

Материалы данной диссертации и полученные итоги можно использовать в первую очередь для введения нового курса "Башкирская изустная литература" на филологических факультетах вузов и средних специальных учебных заведениях Башкортостана с созданием учебников и учебных пособий, для более полного освещения соответствующих разделов новых изданий многотомной "Истории башкирской литературы", школьных учебников и хрестоматий, для составления и издания академических сборников импровизаций йырау и сэсэнов и др.

Содержание диссертации отражено в следующих основных публикациях:

I.

1. Изустная литература в зеркале истории: Монография. - Уфа: Изд. БашГУ, 1999. -6 п.л. (на башк.яз.).

2. Башкирская изустная литература: Монография. - Уфа: Изд. БашГУ, 2000, -12 п.л. (на башк.яз.).

3. Сын Юлая Салават: Монография. - Уфа: Китап, 1994. - 16,5 п.л. (на башк.яз.).

4. История башкирской литературы. В 6-ти томах. Т.1. Средневековой период. (Разделы IX-XVI, XX-XXI). - Уфа: Башк. кн. изд., 1990, - 8 п.л. (на башк.яз.).

5. Родная литература. Книга для чтения для учащихся 5 кл. средней школы (соавтор-руководитель). -Уфа: Башк. кн. изд., 1991; 2-е изд., доп., - 1995; 3-е изд., доп., - 1999. -15 п.л. (на башк.яз.).

6. Родная литература. Книга для чтения для учащихся 6 кл. средней школы (соавтор-руководитель). -Уфа: Башк. кн. изд., 1992; 2-е изд., доп., -1996; 3-е изд., доп., -2000. -20 п.л. (на башк.яз.).

7. Салават Юлаев. Стихи. Песни. Документы (Составление, предисловие, перевод текстов с тюрки, примечания). -Уфа: Китап, 1994. -3,75 п.л. (на башк.яз.).

8. Методика преподавания башкирской литературы: Учебное пособие для филологических факультетов вузов. -Уфа: Изд. БашГУ, 1988. - 4 п.л. (на башк.яз.).

9. История башкирской советской литературы: Программа для вузов. -Уфа: Изд. БашГУ, 1984 (раздел 1945-1960 гг.) - 0,5 п.л. (на башк.яз.).

10. История башкирской литературы. Программа для вузов (раздел 1941-1960 гг.). -Уфа: Изд. БашГУ, 1999. - 0,5 п.л. (на башк.яз.).

5. 11. Башкирская литература XVIII в.: Вопросы содержания, формы и жанра. Программа спецкурса для вузов. - Уфа: Изд. БашГУ, 1996. -1 п.л. (на башк.яз.).

12. Примерная программа курса "Культура, литература и история Башкортостана для I-XI кл." (соавтор). -Уфа: Башк. кн. изд., 1991, - 5 п.л.

13. Культура Башкортостана. Программа для 1-10 классов школ, лицеев и гимназий (соавтор). -Уфа: Изд. БИРО, 1999. - 3,5 п.л.

14. Методика преподавания башкирской литературы. Программа для вузов. - Уфа: Изд. БашГУ, 1985. -0,75 п.л. (на башк.яз.).

II.

15. Изустная и рукописная башкирская литература второй половины XVIII в. // Учитель Башкирии. -1979. -№ 11. -0,5 п.л. (на башк.яз.).

16. Поэты и сэсэн // Агидель. -1980. -№ 2. -0,4 п.л. (на башк.яз.).

17. Имя его - на страницах шежере // Агидель. -1980. -№8. - 0,2 п.л. (на башк.яз.).

18. Через вековые испытания // Агидель. -1980. -№ 10. -0,8 п.л. (на башк.яз.).

19. Литературные традиции накануне Крестьянской войны 1773-1775 гг. и творчество Салавата Юлаева // Проблемы литературного наследия народов Приуралья и Поволжья. -Уфа: Изд. БФ АН СССР, 1980. -0,5 п.л.

20. Башкирская проза второй половины XVIII в. // Проблемы изучения башкирских литературно-публицистических и фольклорных источников. -Уфа: Изд. БФ АН СССР, 1982. -1 п.л.

21. Стиль эпистолярной литературы XVIII в. // Вопросы метода и стиля в башкирской литературе. -Уфа: Изд. БФ АН СССР, 1982. - 0,8 п.л. (на башк.яз.).

22. Непобедимый дух // Агидель. -1982. - № 6. -0,7 п.л. (на башк.яз.).

23. Первые истоки нашей прозы // Агидель. -1982. - № 9. - 0,3 п.л. (на башк.яз.).

24. Об источниках изучения башкирской литературы XVIII в. // Источниковедение башкирской филологии. -Уфа: Изд. БФ АН СССР, 1984. - 0,3 п.л.

25. Шежере башкирских племен бассейнов рек Ая и Юрузани // Башкирские шежере: Филологические исследования и публикации. - Уфа: Изд. БФ АН СССР, 1985. - 0,7 п.л. (на башк.яз.).
26. Эпические повествования XIX в., возникшие на фольклорной основе // Из истории башкирской литературы XIX в. - Уфа: Изд. БНЦ УрО АН СССР, 1989. - 1 п.л. (на башк.яз.).
27. Башкирская изустная литература и ее первые представители // Вопросы башкирской литературы. - Уфа: Изд. БашГУ, 1990. - 1 п.л. (на башк.яз.).
28. Кто создал "Кузыйкурпес?" // Агидель. - 1991. - № 1. - 0,7 п.л. (на башк.яз.).
29. Роль М.Бурангулова в изображении образа Салавата Юлаева в литературе и народном творчестве // Сказательное и литературное творчество Мухаметши Бурангулова. - Уфа: Изд. БНЦ УрО РАН, 1992, - 0,5 п.л. (на башк.яз.).
30. Национальный герой, поэт, публицист // Бир (Турция, Анкара). - 1994. - № 2. - 0,5 п.л. (на турец.яз.).
31. Что имеем в Идель-Йорте? // Агидель. - 1996. - № 12. - 0,5 п.л. (на башк. яз.).
32. Фольклорные и археографические памятники зоны верхнего течения Агидели // Вопросы башкирской литературы. - Уфа: Изд. БашГУ, 1996. - 0,5 п.л. (на башк.яз.).
33. "Алдар и Зухра"; Беляев Тимофей; Конкас-сэсэн; Котб; "Мухаббетнаме"; Салават Юлаев; Сараи Саиф; Хорезми; Хусем Катиб // Башкортостан: Краткая энциклопедия. - Уфа: Башкирская энциклопедия, 1996. - 0,4 п.л.; То же. - Башкортостан: Краткая энциклопедия. - Уфа: Башкирская энциклопедия, 2000. - 0,4 п.л. (на башк.яз.).
34. Башкирская эпистолярная литература XVIII в. // Ватандаш. - 1997. - № 6. - 0,8 п.л. (на башк.яз.).
35. Шежере северо-западных башкир // Ватандаш. - 1998. - № 5. - 0,7 п.л. (на башк.яз.).
36. Салават Юлаев // Уральская историческая энциклопедия. - Екатеринбург: Изд. Екатеринбург, 1998. - 0,2 п.л.
37. И это все - голос батыра // Бельские просторы. - 1999. - № 6. - 0,1 п.л.

38. Изустная литература в башкирском словесном искусстве // Проблемы изучения и преподавания филологических наук. Сборник материалов в 4-х частях. Ч.1. (Башкирская филология). - Стерлитамак: Изд. СГПИ, 1999. - 0,2 п.л. (на башк.яз.).

39. Жанры в башкирской изустной литературе. // Социально-экономические и экологические проблемы развития Уральского региона республики Башкортостан: Тезисы докладов республиканской научно-практической конференции в 2-х т. Т.2. - Сибай: Изд. СИ БашГУ, 2000. - 0,1 п.л. (на башк.яз.).

40. Слова, высеченные на камне // Ватандаш. - 2000. - № 9. - 0,8 г.л. (на башк.яз.).

41. Башкирская изустная литература // Ватандаш. - 2000. - №6. - 0,5 п.л. (на башк.яз.).

42. К вопросу об авторстве в поэзии Салавата Юлаева // Ядъярь. - 2000. - № 5. - 0,5 п.л.

Идельбаев Мирас Хамзович

**ИЗУСТНАЯ ЛИТЕРАТУРА
В СИСТЕМЕ БАШКИРСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.*

Подписано в печать 13.08.2001 г. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Компьютерный набор.
Отпечатано на ризографе. Гарнитура Times.
Усл.печ.л. 4,8. Уч.-изд.л. 4,6. Тираж 100 экз. Заказ 527 .

*Редакционно-издательский центр Башкирского университета.
Отпечатано на множительном участке Башкирского университета.
450074. Уфа, ул. Фрунзе, 32. Тел.: (3472)236-710*

✓